

ПИСЬМА К СЫНУ АЛЕКСАНДРУ

(1858—1869)

ПРИЛОЖЕНИЯ: I. ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА К А. А. ГЕРЦЕНУ С ПРИПИСКОЙ ГЕРЦЕНА. II. ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К ЧЛЕНАМ СВОЕЙ СЕМЬИ

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ МЕЖДУНАРОДНЫМ ИНСТИТУТОМ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (АМСТЕРДАМ)*»

Публикация Л. И. Матюшенко

24 августа 1858 г. в Дувре Герцен простился со своим сыном. Александр Александрович уезжал в Швейцарию к Карлу Фогту, известному натуралисту и близкому другу семьи, для продолжения образования. «Это производит целую революцию в моей жизни», — писал Герцен М. Мейзенбуг (IX, 303). С этого времени переписка становится главной формой общения между отцом и сыном. Сам Герцен придавал ей значение исключительной важности. «Писать ко мне должно быть для тебя действием, почти религиозным, — тут исповедь твоего поведения, тут продолжение единственной связи — которая независимо ото всего ведет тебя и, следовательно, которая должна держать контроль», — писал Герцен 5 ноября 1858 г.

Герцен мечтал воспитать в детях продолжателей своего дела. За несколько часов до рождения сына, 13(25) июня 1839 г., он сделал дневниковую запись, о которой впоследствии вспоминает в «Былом и думах»: «Это была молитва, благословение, посвящение не родившегося существа на „службу человечества“, обречение его на „трудный путь“» (изд. АН, т. IX, 1956, стр. 93).

Отцовским благословением на трудный путь революции овеяно было детство и отрочество сына Герцена. В тяжелые дни после поражения революции 1848 г., в письме к жене от 22 июня 1849 г. Герцен специально приписал десятилетнему мальчику несколько слов: «...а все-таки, лучше бери пример с отца; хоть иногда и жестко спать, а иди той же дорогой» (V, 272).

В эти годы трагических испытаний, когда Герцену порой казалось, что он уже не способен на борьбу, его не оставляли надежды на будущее,¹ и он как бы передавал молодому поколению в лице сына свою недосказанную речь, свое не доведенное до конца дело. «Любезный Сама, — писал Герцен 20 июня 1851 г. — тебе через пять дней будет двенадцать лет. Поздравляю тебя, мой друг, ты становишься больше и больше человеком. Пора тебе продолжать начатое мною; я сам был по тринадцатому году, когда пошел по трудной дороге, и вот двадцать пять лет шел я по ней; ни тюрьма, ни ссылка, ни даже вы все не отклонили меня, я служил на пользу России словом и делом... Теперь я устал, но тебе приготовил и место, и имя, которое ты можешь носить с гордостью...» (VI, 413).

Герцен стремился воспитать в сыне благоговейное уважение к памяти декабристов, к их бессмертному делу, уважение к своей и Огарева революционной деятельности. С гордостью принял Александр Александрович в подарок от отца портреты

* Письма №№ 25, 26, 28 публикуются по фотокопиям с автографов Национальной библиотеки (Париж). В приложениях печатаются письмо Огарева к А. А. Герцену (Амстердам) и письмо Герцена к А. А. Герцену и другим членам семьи, хранящиеся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 204, лл. 2—3).

пяти казенных декабристов. Во время празднования именин отца 14 декабря 1854 г. дети Герцена повторяли юношескую клятву своего отца и Огарева.

В ночь под новый, 1855, год Герцен прочел пятнадцатилетнему сыну свое посвящение к книге «С того берега». Благословляя сына на путь революции «во имя человеческого разума», Герцен завещает ему продолжить революционную пропаганду в России. Торжественным вручением сыну самого любимого своего произведения Герцен как бы вводил его в круг русских революционеров.

Но на избранном пути воспитания детей Герцену встретились большие трудности. Александр Александрович рос в сложной и противоречивой обстановке. На него оказывали повседневное влияние Герцен и Огарев. В доме отца встречал он крупнейших деятелей международного революционного движения — Гарибальди, Мадзини, Кошута, Вордella, Бакунина. Очевидно, именно под влиянием Гарибальди двадцатилетний сын Герцена собирался вступить в ряды гарибальдийцев — «краснорубашечников» и принять участие в борьбе за освобождение Италии. Этому помешали события осени 1860 г., когда под давлением монархической клики Сардинии и ее войск Гарибальди вынужден был передать освобожденную им Южную Италию под власть Савойской династии и распустить армию «краснорубашечников».

Однако в отличие от отца, Александр Александрович был введен в круг русских революционеров «по наследству». То, к чему сам Герцен пришел долгим путем борьбы в России и на Западе, что было куплено ценою тюрьмы, ссылки, ошибок и страданий, его сын получал «даром», не преодолевая «сопротивления среды».

В то время как в России передовая молодежь развивалась в атмосфере назревания крестьянской революции, активно участвуя в общественной жизни своей страны, в семье Герцена воспитание в революционно-демократическом духе приобретало несколько «лабораторный» характер.

Юноша нуждался в общественном воспитании, в товарищах, но в обстановке эмиграции сверстники, как правило, принадлежали к среде, чуждавшейся тех традиций, в которых Герцен воспитывал сына.

Смерть Натальи Александровны, появление в доме людей, которым специально поручалось воспитание, придавало ему еще большую искусственность. Эти трудности возросли еще более после того, как в семью Герцена вошла Н. А. Тучкова-Огарева.

Герцен сетовал на вялость развития сына, на отсутствие у него общественных идеалов. Огарева «оскорбляло» в научных занятиях Александра Александровича отсутствие серьезных запросов принципиально-теоретического характера.

Между тем, А. А. Герцен отличался незаурядными способностями. Уже в детстве он легко овладел немецким, английским и французским языками. Он вел английскую корреспонденцию отца. Как известно из письма Мадзини к Герцену, он переводил на французский язык произведения Пушкина («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 306). В первом из публикуемых писем идет речь о переводе «Горя от ума» Грибоедова, — по-видимому, также на французский язык. Впоследствии Александр Александрович с такой же легкостью освоил и итальянский язык, свободно читал на нем лекции и переводил, как и на французский, сочинения своего отца и Огарева.

Из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой мы знаем, что Александр Александрович посещал в Лондоне различные курсы, всегда был первым на экзаменах.

Герцену удалось дать сыну серьезное домашнее образование. Латынь и немецкий ему преподавал Мюллер-Стрюбинг, французский — Васбиндер, английский — Гауг, историю и рисование — Булевский, математику — Домагальский. Среди учителей Александра Александровича были Ворцель и Альтгауз. Герцен сам преподавал сыну русскую историю, считая ее изучение, наряду с русской литературой, делом перво-степенной важности. В письмах к М. К. Рейхель этого времени часто содержатся просьбы прислать ту или иную русскую книгу для сына.

Очень рано Александр Александрович проявил склонность к естественным наукам, обнаружив и в этой области яркие способности. Он посещал в Лондоне Геологический институт, где учился у известного немецкого химика А.-В. Гофмана. В Медицинском институте слушал сравнительную анатомию у Гранта и анатомию человека у Девиля. В 1857 г. Александр Александрович посещал Лондонский университет. В результате

этих занятий в 1858 г. в издательстве Трюбнера вышла книга А. А. Герцена «Краткое общепонятное изложение сравнительной анатомии и зоологии».

Но Герцена не могли удовлетворить ни успехи сына в овладении языками, ни даже его успехи в области естественных наук. За широтой интересов сына он угадывал поверхностность, отсутствие сосредоточенности. В его образовании как бы повторялся тот несколько дилетантский энциклопедизм дворянского воспитания, который Герцен всегда осуждал.

Отправляя сына на континент, он надеялся, что самостоятельная жизнь, занятия под руководством К. Фогта, университетские товарищи будут способствовать не только углублению и систематизации его образования, но и развитию самостоятельности и твердости характера.

Однако отъезд из дома вызвал новые осложнения.

Та связь с русской революционной традицией, которую неустанно поддерживали в Александре Александровиче Герцен и Огарев, не оказалась для него органичной и начала заметно ослабевать.

Герцен больше всего опасался того, что Александр Александрович может окончательно потерять связь с русской жизнью. 19 августа 1859 г. он делился с Огаревым впечатлениями о приехавшем на каникулы сыне и замечал, что «он заметно перестает быть русским». «И если б не самолюбие, что он — мой сын, — продолжал Герцен, — он отвернулся бы от всего русского. Живая традиция бледнеет <...> Но как же принять, чтоб моя дети были швейцарскими немцами?» (X, 80).

Высоко ценя «чистоту трудовой жизни», в атмосферу которой попал Александр Александрович в семье Фогтов в Берне, Герцен вместе с тем улавливал там элементы мелкого мещанства, буржуазной сентиментальности, ту «тесносемейную раму», которая суживает духовный мир человека.

В этой семье, в ее традициях, сказывался общий характер европейской жизни того времени.

После революции 1848 г. в широких кругах европейской интеллигенции различных стран все отчетливее обозначался тип мещанина, филистера. Этот, по выражению Герцена, «общий», или «гуртовой», тип окончательно вытеснил «высшие» типы эпохи буржуазных революций — типы героев национально-освободительных движений, какими были Мадзини и Гарибальди. Черты этого «общего» типа Герцен видел и в таких участниках революции 1848 г., как Луи-Блан и Ледрю-Роллен.

В формировании «гуртового» типа закономерно отражался процесс «умирания» в Европе революционности буржуазной демократии. Отход от общественной борьбы, стремление сосредоточиться на узких, прикладных вопросах науки, уйти в частный мир, погрузиться в семейную жизнь способствовали созданию психологии мещанина. Герцену претили в мещанине страх за личное благополучие, расчетливость, мелочность, сентиментальность. Личность при этом стиралась, теряя свою индивидуальность, становилась посредственной.

Мещанскому идеалу Герцен решительно противопоставлял свои принципы воспитания нового человека. Эти принципы сложились еще в сороковые годы и выдвигались Герценом как в теоретических работах («Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы»), так и в художественном творчестве («Кто виноват?»).

Они развивались в тесной связи с общей эволюцией Герцена к революционному демократизму. К шестидесяти годам тип революционера-разночинца выступает у Герцена как идеал передового человека эпохи.

Отношения Герцена с поколением революционеров-разночинцев были сложными. Известны разногласия между Герценом, с одной стороны, и Добролюбовым, Чернышевским, Александром Серно-Соловьевичем — с другой. Шестидесятники критиковали Герцена за отступления к либерализму. Герцен упрекал молодое поколение в недостаточном уважении к дворянским революционерам, в недооценке дворянской культуры. Порой в высказываниях Герцена сквозило барское отношение к «плебейски не воспитанным» людям. Это можно заметить в отзывах о Николае Серно-Соловьевиче по поводу его вмешательства в личную жизнь Герцена и Огарева (письмо от 5 декабря

1860 г.), а также об Н. И. Утине и других деятелях «молодой эмиграции» шестидесятих годов.

Однако в политической оценке молодого поколения Герцен умел возвыситься над лично-пристрастным отношением к отдельным его представителям.

Герцен ценил разночинцев за их трудовую жизнь, цельность характера, связь с жизнью народа, ненависть к его угнетателям, решительность и преданность революционной борьбе.

Он считал эти черты главными и умел отделять их от тех преходящих черт, которые представляли «крайности развития». Главное в разночинцах, по выражению Герцена, «перерастало в будущее движение», т. е. являлось основой нового человека, человека будущего. Тип революционера-разночинца Герцен считал «высшим» типом эпохи — в отличие от «гуртовых» типов западноевропейского мещанства и русского либерального общества.

Защищая молодое поколение шестидесятников от реакционной критики Ю. Ф. Самарина, Герцен в «Письмах к противнику» говорит о Чернышевском, Михайлове, Н. А. Серно-Соловьевиче как о великих революционерах-разночинцах.

Герценовские принципы воспитания нового человека тесно связаны с идеалами шестидесятников.

Как социалист-утопист Герцен видел в труде основу формирования новых людей. С ранних лет он воспитывал в своих детях уважение к труду и трудящимся людям. Труд развивает практический ум, волю, то есть то, чего были лишены дети в дворянских и буржуазных семьях и что Герцен больше всего ценил в разночинцах. Он понимал, что только постоянное занятие может явиться прочной основой нравственной жизни человека. Герцен предостерегает сына от опасности праздной жизни: «...с ранних лет отвыкни от мысли, что ты можешь прожить... без науки и специальности, en gentleman, ты страшно ошибешься (...), на праздное богатство — никак не надейся» (письмо от 26 октября 1858 г.). В самостоятельной практической деятельности он усматривал признак совершеннолетия.

Герцен прививал сыну взгляд на научные занятия как на постоянный тяжелый труд, как на борьбу. Не всегда удовлетворенный занятиями сына, он на примерах доказывал ему, что успехов в науке добиваются только труженики, «истинно занимающиеся люди». Он просит сына с «религиозным чувством» отнестись к письму Огарева, в котором тот пытался рассказать Александру Александровичу, «как много запроса, как много труда в знании и как много подвига даже в обыденной жизни», и призывал его в науке на «ежеминутный запрос, ежеминутный труд и ежеминутный подвиг» (см. приложение к настоящей публикации).

Большое значение в образовании и воспитании молодого поколения Герцен еще в сороковые годы придавал естественным наукам. По его мнению, они приучали ум к «смирению перед истиной, к добросовестному труду и, что еще важнее, к добросовестному принятию последствий *такими, какими они выйдут...*» (изд. АН, т. II, стр. 140). Естественное знание способствовало «очищению» отроческого ума от предрассудков и тем самым вело к трезвому и правильному познанию истории, откуда шел прямой путь к действительному участию в общественной жизни.

При этом Герцен равно боролся и с дилетантизмом, и с узкой специализацией в науке. Герцен приветствовал занятия сына физикой наряду с медициной. Предстоящим занятиям медициной в Бернском университете он рекомендует предпослать широкое образование в области естественных наук.

Главной опасностью в научной деятельности сына Герцен считал «недостаток серьезного философского, общего взгляда», который не могут заменить ни обилие сведений, ни опыты (письмо от 8 июля 1867 г.). «Именно в соединении специальности с общностью и состоит настоящая учено-научная деятельность. Специалистом может быть тот, кто идет от общего, иначе он будет работник хороший для других или для матер<иальной> пользы (фотография Левицкого) — и баста», — писал Герцен сыну (XVIII, 355). «Общий взгляд» рождается на основе осведомленности в главнейших проблемах не только «своей» науки, но и смежных, создается в результате широкого образования и политического воспитания. Здесь огромную роль приобретает самосто-

ятельная работа. «Ты знаешь, что дипломом оканчивается школьное учение и начинается самобытное занятие наукой», — писал Герцен Александру Александровичу (XI, 55).

Герцен внимательно следил за чтением сына. Накануне двадцатилетия Александра Александровича, 22 июня 1859 г., он писал ему: «...без чтения нет настоящего образования, нет и не может быть ни вкуса, ни слога, ни многосторонней шири понимания; Гёте и Шекспир равняются целому университету. Чтением человек переживает века, не так, как в науке, где он берет последний очищенный труд, а как попутчик, вместе шагая и сбиваясь с дороги» (X, 45). Герцен составлял с сыном специальные программы для чтения, где рядом с Гомером и Софоклом стоят такие сочинения, как «История XVIII столетия» Шлецера, «История французской революции» Зибеля; он рекомендует сыну «Логик» Милля, «Теорию собственности» Прудона, исторические сочинения Мишле, одобряет желание сына заняться О. Контom.

Однако главное внимание Герцен обращает на политическое воспитание. Он регулярно посылает сыну «Колокол» и другие издания Вольной русской типографии, с волнением делится политическими новостями из России, присылает статьи из русских журналов. Герцен приветствует интерес Александра Александровича к крестьянскому вопросу, помогает ему собрать материал для статьи о положении крестьян в России. В ряде публикуемых писем получили отражение споры Герцена с сыном по вопросам «русского социализма» (письма от 22 и 31 января 1860 г. и от 30 декабря 1865 г.). Отвечая на не дошедшее до нас письмо Александра Александровича, в котором он высказывал опасения за судьбу готовящейся в России реформы, Герцен разъяснял сыну, сетуя на его неглубокое понимание русской жизни: «...если б ты с тех пор, как начал рассуждать, прочитал бы со вниманием, что я пишу, что я писал за восемь лет до смерти Николая, то ты не написал бы пошлости, что Александр II дал импульс и что он может остановить, т. е. что не внутренние силы страны вовлекли его, а что он вовлек их» (письмо от 31 января 1860 г.). В этой связи вызывает также интерес указание Герцена на появление в английских газетах «Times» и «Daily News» сведений о подготовке крестьянской реформы (письмо от 22 января 1860 г.).

Через письма Герцена постоянно проходит противопоставление двух типов ученых. Один — почтенный профессор-филистер, «женатый на немке», живущий в глупом обществе и «куяющий деньги». Другой — ученый, общественный деятель, «ринувшийся в борьбу современной жизни». Он ставит сыну в пример великого русского хирурга и крупного общественного деятеля Н. И. Пирогова.

Герцен придавал большое значение знакомству Александра Александровича с представителями молодой России. Он спешит познакомить его с только что приехавшим из России студентом И. Г. Борщовым (впоследствии выдающимся ботаником), радуется впечатлению, произведенному на сына Н. А. Серно-Соловьевичем.

Герцен высоко ценил в Борщове целеустремленность, страстную преданность науке и хотел видеть эти черты и в своем сыне. Н. А. Серно-Соловьевич был для Герцена образцом революционера. Он писал о нем Александру Александровичу: «...во многом я желал бы, чтоб ты походил на него — этот человек всеми корнями живет в общей деятельности» (письмо, написанное между 10 и 20 августа 1860 г.).

Не менее трудной для воздействия оказывалась область личных отношений сына. Именно с этой стороны среда Александра Александровича способна была легче всего парализовать влияние отца, его проповедь общественной борьбы и самоотверженной преданности науке.

Не один раз Герцену пришлось вступить в борьбу за сына против влияния этой среды.

Он возражал против помолвки его с Эммой Урих, внучкой Вильгельма Фогта, милой, но очень заурядной девушкой, с ограниченным кругом интересов и мещанскими вкусами. Этот бой Герцену удалось выиграть. Позднее Герцен выступил против намерения сына жениться на Терезине Феличе — девушке из итальянской рабочей семьи. Герцен возражал против этого брака, не видя необходимой общности во внутренней жизни сына и его невесты. Он опасался, что резкий переход из одной среды в другую пагубно отразится на характере молодой девушки без образования. У Гер-

цена при этом вставал в памяти пример с женой Кетчера, Серафимой Николаевной (см. главу «Н. К. Кетчер» в «Былом и думах»). Александр Александрович женился на Терезине против воли отца. Далекая от духовных запросов и идейных интересов семьи Герцена, Терезина вносила в семью «чужой элемент». Это разрушало надежды Герцена объединить свою семью вокруг Александра Александровича во Флоренции.

Герцен не был вполне уверен также и в серьезности чувства Александра Александровича. Его многочисленные увлечения, история с Шарлоттой Гётсон, быстро угасшее чувство к Эмме Урих давали основания для подобной неуверенности. Герцену казалось, что у Александра Александровича «нет силы характера, которая бы вынашивала долго всякое чувство в собственной груди, испытывая его и закаляя» (X, 231).

Герцен на собственном опыте знал, как много подводных рифов таит в себе семья в современном обществе и как много мужества, твердости и закалки нужно, чтобы противостоять ее опасностям. Трагические последствия собственной семейной драмы 1848—1852 гг., новые испытания, вызванные браком с Н. А. Тучковой-Огаревой, вызывали в нем желание отдалить от детей неизбежные трудности семейной жизни, преодолеть которые оказывалось не под силу даже таким людям, как Герцен и Огарев и которые могли пагубно отразиться на жизненном пути Александра Александровича.

Герцен опасался при этом, что пример ранней женитьбы Александра Александровича может повести за собой ранние браки дочерей. Его пугали также браки с иностранцами, которые грозили его детям окончательным отдалением от родной культуры и отрезали пути возвращения на родину. Поэтому Герцен переживал брак сына с Терезиной как свое поражение.

Стремление двадцатилетнего юноши жениться Герцен объяснял отсутствием всеохватывающего общего интереса, который не даёт погрузиться в индивидуальное чувство, обуздывает его, преобладает над ним. Много раз Герцен развивает сыну свои мысли, советует еще и еще раз обратиться к «Былому и думам», напоминает главу о браке, в которой полемизирует с Пруденом.

Так шла борьба за приоритет общего над частным в жизни человека. Здесь не было тургеневского противопоставления общего личному и проповеди жертвы личным счастьем. Это была постановка вопроса, сближавшая Герцена с Чернышевским, герои которого видели в общественной борьбе источник личного счастья.

Чтением романа Чернышевского «Что делать?», по-видимому, навеяны рассуждения о «чистоте» и «нечистоте» нравственной жизни человека, содержащиеся в письме Герцена от 8 июля 1867 г. Это предположение тем более вероятно, что Герцен прямо ссылается на роман Чернышевского в письме к сыну от 1 августа 1867 г., где продолжается разговор о браке.

Как бы в подтверждение известных рассуждений Чернышевского о «грязи реальной» и «грязи идеальной», Герцен связывает нравственную чистоту в семье с трудовой основой семейной жизни, приводя в пример семьи Рейхелей и Фогтов, и критикует абстрактную, христианско-идеалистическую постановку этих вопросов в письмах сына. Герцен советует сыну учиться ставить житейские вопросы, как их ставит Чернышевский в романе «Что делать?».

Мерой нравственной оценки человеческой личности для Герцена была гуманность. Поэтом гуманности называл его Белинский, и сам Герцен не раз замечал, что всепоглощающая гуманность составляет главное в его натуре. Гуманность делала человека человеческим, или прекрасным, что было для Герцена одно и то же. «В гармонию жизни входят и любовь, и искусство, и наука, и пуще всего искренняя гуманность: чем больше и богаче все это перемешано, тем полнее жизнь», — писал он сыну 5 марта 1860 г. (X, 231). Эта была гуманность природы волевой, практической, или «действительной», как любили говорить Герцен и его современники в сороковые годы, та подлинная гуманность борца и общественного деятеля, которой не хватало Бельтову и тургеневским героям. Она заключала в себе деятельную любовь к людям, нравственное доверие к ним и пристрастие как «дар, идущий от сердца». Она предполагала такую широту взгляда, через которую просеивались волнующие мещанина житейские мелочи. Она исключала пустую раздражительность, докторальность в пустяках и

Международному комитету для помощи
бездельным в России
Н. Герцен

ГЕРЦЕН

Фотография С. Л. Левицкого, 1861 г. Издание Трюбнера, Лондон

Экземпляр, принадлежавший Н. А. Герцен (дочери) и, как свидетельствует надпись на портрете, переданный ею Международному комитету для помощи безработным в России, 1900-е гг.

Исторический музей, Москва

вздорную строптивость. Здесь было и умение задуматься над жизненными вопросами, сосредоточиваться и признавать свои ошибки, «человечески» грустить и «гуманизировать» свое отчаяние.

Все это делало поведение эстетическим и означало для Герцена умение идти от общего к частному, а не «смотреть через себя». Герцен чувствовал, какой утратой в этой эстетической, очеловечивающей стороне воспитания детей была смерть Натальи Александровны. Он считал ее «великой», «изящной» женщиной и стремился, чтобы образ матери вошел в жизнь детей как мягкое и гуманное начало. Герцен хотел, чтобы Саша запомнил навсегда прощанье с матерью, он придавал большое значение посещению сыном ее могилы в Ницце. Герцен ценил и то гуманизирующее влияние, которое оказывал на детей Огарев, и ставил его в этом отношении рядом с Натальей Александровной. Но не менее плодотворным было влияние личности самого Герцена. Его «всепоглощающей гуманностью» пронизаны все беседы с сыном — «по разным поводам», общим и частным.

* * *

Весной 1861 г. Александр Александрович блестяще окончил Бернский университет и получил степень доктора медицины.

В этот период расцвета «Колокола», видя его возросшее влияние на молодое поколение России, Герцен особенно остро чувствовал неудовлетворенность развитием собственных детей. «Естественно было желать, чтоб ты так же открыт был нашему слову, как все поколение. Естественно было желать, чтоб ты шел по пути, тяжело протоптанному, но протоптанному родными ногами (...) У тебя идеал быть профессором в Швейцарии — я не порицаю этого, но думаю, что ты неэкономно бросаешь возможности — которые другие не имеют», — писал Герцен сыну (письмо от 31 января 1860 г.).

С начала 1860 г. Герцен все чаще обращается к мысли о поездке Александра Александровича в Россию. «Везде ты иностранец, — писал он сыну 22 января 1860 г., — в России ты один из богатейших наследников. Ты наследник всей моей и огаревской деятельности...».

Герцен возлагал большие надежды на впечатления общественной борьбы, в атмосферу которой Александр Александрович попал бы в России. Герцен понимал, что никакие его и Огарева проповеди, никакие статьи в «Колоколе» не могут заменить для Александра Александровича животворного воздействия новых людей России.

Судя по отдельным высказываниям и замечаниям в письмах Герцена, он не имел в виду непосредственно привлечь сына к революционной борьбе. Он советовал ему пожить в России два-три года в качестве хотя бы путешественника-натуралиста. Герцен при этом полагался на влияние передовых русских людей, в круг которых Александра Александровича должно было ввести имя Герцена. «...Что ты из этого сделаешь, будет зависеть от твоих способностей...», — заключал он в цитированном выше письме от 22 января 1860 г.

Иллюзорно представляя себе обстановку в России, Герцен допускал возможность для Александра Александровича остаться на родине в качестве преподавателя естественных наук. В его способностях к политической деятельности Герцен уже в это время сомневался.

В декабре 1861 г. Герцен советовался с И. С. Тургеневым по вопросу о поездке Александра Александровича. В январе 1862 г. Александр Александрович обращался с запросом через русскую миссию в Париже, но получил отказ.

С осени 1861 г. до весны 1863 г. Александр Александрович почти непрерывно жил у отца в Англии. Политическое влияние Герцена на сына сильно возросло.

С этим связана была и поездка А. А. Герцена в Швецию в мае-июне 1863 г. Как это видно из специальной записки, составленной для него Огаревым перед отъездом в Швецию (см. публикацию М. В. Нечкиной в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 518), Александр Александрович выполнял ответственное поручение «Земли и Воли» по установлению связи с финским революционным обществом и организации путей переправки изданий Вольной русской типографии.

Однако Герцен не был вполне доволен поездкой сына. Общим ее итогом было окончательное убеждение Герцена в непригодности сына к политической деятельности.

«Ты в политическом деле не имеешь таланта», — писал он ему 7 декабря 1863 г. (XVI, 543). 24 июня 1864 г. Герцен писал сыну: «...надобно избрать, наконец, и путь и дело — надобно сделаться чем-нибудь из молодых *gentiers*. Человеком вообще — нельзя быть. Политическое поприще я считаю для тебя невозможным — мало ли естествоведение представляет специальностей. Было время, в которое выбору было много, — оно ушло — в 25 лет человек должен дефинитивно осесть — или блуждать и в 75».

Мы не располагаем подробными сведениями о пребывании Александра Александровича в Швеции и о конкретных причинах, приведших Герцена к столь решительному выводу. Немаловажную роль здесь, по-видимому, сыграла ссора Александра Александровича с Бакуниным. Об этом можно судить по переписке Герцена и Огарева с Бакуниным. По некоторым замечаниям Герцена можно предполагать также, что Александр Александрович слишком увлекся внешней стороной своего дела.

Осенью 1863 г. Александр Александрович переехал во Флоренцию, где до 1869 г. работал ассистентом известного физиолога М. Шифа. В августе 1869 г. Совет народного просвещения Флоренции присвоил Александру Александровичу звание профессора-либеро, т. е. доцента со званием профессора. С этого времени начинается его самостоятельная научная деятельность в качестве профессора Спеколы — крупнейшего в Италии центра естественных наук.

В своих публичных лекциях и брошюрах Александр Александрович проявил себя как талантливый популяризатор науки, что не мог не ценить Герцен. Об одной из таких лекций, состоявшейся 9 марта 1867 г., он писал Огареву: «Успех Саши вчера был полный и заслуженный. Он свою лекцию прочел щегольски, не останавливаясь, не ломаясь, просто, прекрасным слогом и интересно» (XIX, 239).

Александр Александрович примыкал к так называемому психологическому направлению в физиологии, философской основой которого был новейший позитивизм. Естественнонаучный материалист, последователь К. Фогта, он не смог однако подняться до научных вершин, достигнутых отцом. Герцен и Огарев подвергли критике диссертацию Александра Александровича о свободе воли. Сосредоточившись на физиологической основе умственной деятельности человека, он, по отзыву Герцена, «лучше доказал, что нет души, чем уяснил функцию того, что называется волей» (XX, 310).

Известное письмо Герцена о свободе воли (июль-август 1868 г.) было критическим ответом на диссертацию сына. Огарев полемизировал с Александром Александровичем в своей заметке «*Libre arbitre*» (см. Н. П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 170—171).

А. А. Герцен активно участвовал в борьбе против церковников и реакционеров в науке. Известно его выступление в поддержку М. Шифа, бросившего вызов клерикальной партии. Он вступил в публичный бой с реакционером Ф. Парлаторе, возглавлявшим Спеколу после смерти прогрессивного профессора К. Маттеучи, и смело отвечал в печати на обвинения реакционной партии (речь идет о статье против А. А. Герцена, написанной сенатором, графом Р. Ламбрускини). Совместно с прогрессивной флорентинско-миланской группой ученых (М. Шиф, Я. Молебот, К. Фогт) А. А. Герцен в 1867 г. пытался организовать журнал позитивистского направления, одной из главных задач которого ставил антиклерикальную пропаганду.

Александр Александрович много содействовал изучению жизни и деятельности своего отца. Он явился одним из главных организаторов посмертного издания сборника его статей. Он перевел на французский язык и издал «С того берега». При инициативном участии Александра Александровича в восьмидесятые годы было положено начало публикации писем Герцена и Огарева (в «Русской мысли») и писем к ним (в Женевском «Вольном слове»). В девяностые годы он передал Румянцевскому музею ценные материалы о жизни своего отца. С сознанием долга Александр Александрович отнесся к подготовке первого издания сочинений Герцена.

Однако связь Александра Александровича с общественной жизнью не только России, но и Запада все более ослабевала. После смерти отца, а особенно со времени переезда в Лозанну в 1881 г. Александр Александрович стал тем поч-

тенным швейцарским профессором, мысль о котором всегда так пугала Герцена. Не обошлось и без участия в коммерческом предприятии: еще во Флоренции Александр Александрович организовал торговую компанию по эксплуатации открытого им способа сохранения мяса.

Александр Александрович оказался не в силах помочь отцу и в воспитании младших детей, которое Герцен «поставил одной из краеугольных задач своей жизни».

Семья Александра Александровича во многом напоминала семьи Фогтов, Шифов. Семейные заботы отдаляли Александра Александровича от сестер. Болезнь и душевная драма Таты, которую Александр Александрович, находившийся рядом, не смог предотвратить, тоже наводила Герцена на тяжкие думы. Ему казалось, что семья отнимает у его сына последние силы, которые могли быть направлены на широкую общественную деятельность.

Герцен иногда бывал несправедлив к сыну. Не всегда справедливые, подчас резкие упреки в праздности, невнимании, рассеянности можно встретить и в публикуемых письмах. Но в самом главном горечь Герцена была оправданной — сын вырос далеким от России, от революционного дела своего отца.

Герцен не склонен был во всем винить самого Александра Александровича. Раздумья над судьбой детей вливались в общие раздумья Герцена о пережитом, о собственных ошибках, о противоречиях русской общественной жизни.

Герцен чувствовал глубокую вину перед детьми за ту разрушительную роль, которую сыграла в его семье Н. А. Тучкова-Огарева. Он винил себя за то, что связал с ней свою судьбу.

«Я многого не умел сделать, в многом жизнь запутал», — признается он сыну в письме от 17 февраля 1869 г. Его угнетала невозможность противостоять влиянию Мальвиды Мейзенбург на Ольгу, добиться сближения Н. А. Тучковой-Огаревой и Таты во имя совместного воспитания Лизы.

Публикуемые письма, в особенности относящиеся к периоду 1869 г., отмечены трагическим бессилием Герцена помешать растущему отдалению от него детей и, по существу, разрушению его семьи.

Герцен все чаще приходил к печальным выводам о практической непригодности своей социальной педагогики. Подобного рода признания содержатся в его дневниковых записях, статьях и письмах шестидесятых годов.

Как просветителям, Герцену и Огареву свойственно было преувеличивать свою нравственную независимость от среды, свою исключительность, «эксцентричность», преувеличивать значение теорий и идей в воспитании нового человека. Герцен сам объяснял это временем своего развития. Действительно, корни такого просветительского преувеличения уходят в эпоху первого этапа освободительного движения в России. Круг революционеров был тогда узок, и передовое движение развивалось преимущественно как передовая мысль. Движение казалось сильным не столько числом участников и широтой распространения революционных идей, сколько высотой мысли, яркостью таланта отдельных выдающихся его представителей. В этих условиях значение нравственной нормы приобретала и частная жизнь передового человека.

В эпоху, когда революционное движение становится шире, когда оно связывается с движением народных масс, решающее значение в формировании нового человека приобретает непосредственное участие в революционной борьбе, связь с жизнью народа.

Герцен признавался, что теперь в отрицании старой нравственности, так же, как в отрицании всех устоев старого мира, «частной жизнью не много сделаешь» (XVI, 463). «Мы не подчиняемся собственному разуму... так же, как собственной эстетике», — записывает он в дневнике 29 декабря 1866 г. (XIX, 142).

В письме к старшей дочери от 23 мая 1868 г. Герцен вновь обращается к этой мысли:

«Личности могут восставать против стеснительных учреждений и стараться их уничтожить или заменить, но не как исключение *для себя*, а общее правило для всех» (см. стр. 641 настоящего тома). Эти рассуждения связаны с тем решительным выводом о соотношении теории и практики, к которому Герцен пришел еще в 1863 г. Глубокое

ИТИНЕРАРИЙ ГЕРЦЕНА. СОСТАВЛЕН
ИМ В 1867 г.

Автограф

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

55 1812. — 25 Мар. 12
1812 — 1833. — 20 km
21 —
1834 — 22 km
1835 — 1840 km
218 km
1841 — 23 km
1842 — 30 km
1843 — 1846 km
1847 — 40 km
1848 — 40 km
1849 — 40 km
1850 — 40 km
51 — 52 km
53 — 64 km
65 — 66 km
67 — 68 km

обобщение по этим вопросам заключено в дневниковой записи 16 августа: «Теорию с практикой в деле отрицания примиряет революция. В ней отрицание не личное, не исключительное, не на выбор, не уклонение, а открытое противодействие старому и водворение нового. Старая добродетель объявляется пороками, велепостью и пр. Все это невозможно для отдельного лица и домашнего употребления и всего невозможнее, когда оно идет от эстетических целей» (XVI, 463).

Герцен осознал, что в новых исторических условиях в воспитании человека все большее значение приобретает труд. В буржуазном обществе всякое богатство становится бесчестным и оказывает на человека все более развращающее влияние. Герцен считал, что перед «растлевающим влиянием обеспеченности без труда» не смогут устоять самые высокие теории. Он усматривал в ренте одну из главных сил, ослаблявших его собственную роль в воспитании детей. «Мы все вполнину парализованы, вполнину развращены — наследством и рентой», — писал он сыну 1 августа 1867 г. — От ренты — ты занимался спустя рукава до 1863 года. От ренты — Тата не рисует и не поет. От ренты — Ольга безграмотная. От ренты — Nat(alie) ставит вверх дном воспитание Лизы... Пора понять эту простую истину. Если б отец Огар(ева), а не он сам, прокутил бы свое имение, — наш Огар(ев) был бы признанный гений — и не имел бы эпилепсии. Мы защищены только тем, что сами ломаем дерево „злата и сребра“, на котором сидим».

Сознание собственных ошибок сплеталось у Герцена с пониманием невозможности воспитания человека лишь на основе передовых идей, вне непосредственного участия в общественной практике.

В публикуемых письмах запечатлены грустные, но плодотворные раздумья Герцена, вызванные крушением просветительских иллюзий в его семейной жизни и в воспитании детей.

26 октября 1858. Putney

Трудно сказать тебе, какое общее впечатление осталось у меня от глупого телеграмма твоего, от Фогтова письма и от твоего. На первый случай мне было так глубоко тяжело и печально, особенно от того, что, посылая из-за вздора телеграф. депешу — ты и не подумал, в каком мучительном сомнении ты меня оставлял дни на три. Что это — дуэль, арест... хоть бы слово в объяснение — я считаю, что легкомыслие, идущее до этой невнимательности, — дурной поступок. Далее письмо Фогта — я умею читать между строк и очень понял, — была ли история мелкого волокитства или нет¹ — что Фогт был рассержен *несерьезностью* твоих занятий (я постоянно был огорчен этим, ты очень хорошо знаешь). Смотри — если и этот последний опыт тебя поставить на дорогу науки не удастся — тогда ведь уж ничего не остается, кроме выжидания, что когда-нибудь, потеряв время, силы, молодость, — ты сам примешься за дело. — Фогт, его мать, все говорят о тебе, как о слабом, неустоявшемся мальчике, добродушном, но праздном... подумай, говорили ли это обо мне или об Огар(еве) в 19 лет.

Ты натягивал до неделикатности отъезд — я думал, что последние разговоры и самое посещение Ниццы сделают в тебе перелом. Я думал, что при гробе матери, вспоминая ее, наши несчастья и серьезный бой моей жизни, ты пойдешь новым шагом², — я его не вижу даже из того письма³. — Какой же я могу сделать выбор между Берном и Вюрцбургом?⁴ Учиться серьезному человеку можно везде, где есть университет. Ты видел в Лондоне людей, учившихся в Казани, в Харькове. Напутствовать тебя, кроме советов, я не могу, а советы по тебе скользят.

Ты пишешь о твоих занятиях — напиши, *что же ты сделал и чем именно занимался*, кроме перевода «Горя от ума»⁵, дела, полезного для языка — но совершенно бесполезного в сущности. У тебя нет плана, нет настоящей программы — потому ты и готов слушаться любого. Встретился Тесье⁶ — давай химию, встретился физик — давай изучать электричество. Из этого науки не составишь. Я буду шаг за шагом следить за твоими занятиями, но, пожалуйста, с ранних дел отвыкни от мысли, что ты можешь прожить — без науки и специальности, *en gentleman*, ты страшно ошибешься.

Я не так понимаю состояние — предотвратить тебя от крайности, дать полные средства для образования — мой долг. На остальное — на праздное богатство — никак не надейся.

Надеюсь, что ты послал мое письмо к Фогту, — что же он, наконец, отвечал?

С девкой, о которой идет речь, всякое знакомство следует прекратить.

Остаюсь в надежде, что следующие письма принесут мне меньше огорчения.

Дети здоровы.

Кланяйся от меня всему семейству Фогта.

¹ Этот эпизод, связанный с каким-то любовным увлечением А. А. Герцена (см. ниже упоминание о «девке»), остался невыясненным, так как письма и телеграмма, о которых идет речь, до нас не дошли. А. А. Герцен жил в то время в Берне, в доме Ф.-В. Фогта, профессора медицины, отца Карла Фогта.

² А. А. Герцен уехал из дому в августе, хотя занятия в университете начинались 3 ноября. Герцен усматривал в этом один из признаков отхода сына от семьи, что вызывало в нем большую тревогу. Поэтому он придавал немалое значение поездке сына на могилу Н. А. Герцена в Ниццу (в сентябре 1858 г.). Он писал сыну: «Для тебя это посещение должно быть молитвой; так, как в средние века ходили ко гробу Христа, испрашивая сил на жизнь, так и ты, начиная новое существование, — разлуку со мной, должен в полном *grecueillement* * посетить Ниццу» (IX, 316).

³ Письмо, написанное, по-видимому, после посещения могилы матери в Ницце, неизвестно.

* сосредоточенности (франц.).

⁴ Герцен не сразу решил вопрос, где учиться сыну, и советовался об этом с Фогтом, колеблясь между Берном и Вюрцбургом (см. IX, 307, 354). Выбор был сделан в пользу Берна.

⁵ Упоминание о переводах А. А. Герцена содержится также в письме Мадзини к Герцену («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 306). Он переводил в конце 1860-х годов и «Былое и думы» на французский язык (см. XX, 25; XXI, 347).

⁶ О *Tessie du Motte* см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 288—290.

⁷ Это письмо Герцена Фогту неизвестно.

2

5 ноября <1858 г.>. Putney. Laurel house

Любезный Саша,

На первый случай — оставим это дело, ты знаешь, что я сужу всего больше по практическим результатам ¹. Что ты не показывал особенного усердия к науке — это ты теперь сам видишь по сравнению с тружениками и истинно занимающимися людьми.

В твоих письмах видна большая поспешность, на несколько раз сделанные вопросы — нет ответов и потом какие-то *à peu près*... * «Книги... книги» — какие книги? о русских спрашиваешь ты или о твоих учебных? Для отсылки надобно даже порядком знать адрес.

Каким образом случилось, что ты был *без книг*? — Ты взял с собой несколько, неужели всё перечитал — и зачем так мало взял в таком случае?

Та же рассеянность видна в том, что ты не напишешь ничего особо, кроме поклона Огареву или Natalie. Торонясь, писем вообще — кроме пустых — писать я не советую. Писать ко мне должно быть для тебя действием, почти религиозным, — тут исповедь твоего поведения, тут продолжение единственной связи — которая независимо ото всего ведет тебя и, следовательно, которая должна держать контроль. Вообще я требую в жизни больше *recueillement* **.

Новостей никаких нет — кроме того, что молодой Раевский умер в Брюсселе, собираясь в Париж ². С новым домом у нас возня — условия написал хозяин преглупые, и уж теперь об этом хлопочет Ashurst ³.

Скажи от меня Фогту-отцу и m-me Vogt, что я собирался писать к ним и благодарить за их добрый и хороший прием тебя — и позволение жить. Но фразы делать не люблю, а передай, что я искренно и глубоко благодарен; об уважении моем к самому Фогту — они знают, ее прошу строже быть к тебе и весьма прошу — в случае, если она будет недовольна тобой, — писать ко мне. Ты с некоторой деликатностью можешь ей перевести, что я писал об их доме (всего лучше словесно).

Я спрашивал о картинах и книгах, бывших у Адольфа Фогта ⁴.

Почему ты не пишешь подробности, как вы сделали насчет платы, мне это очень нужно знать.

Прощай и будь здоров.

Все тебе кланяются.

Трудно сказать, что можно Ольге купить, — пишу ей, что посылаем *штуку* ⁵.

¹ Очевидно, в своем письме А. А. Герцен пытался оправдать несерьезность своих занятий.

² О каком Раевском идет речь — установить не удалось.

³ Герцен в это время готовился к переезду в Park house. Н. Ashurst (Ашерст) — англичанин, адвокат, принадлежавший к кругу Мадзини.

* приблизительно (франц.).

** сосредоточенности (франц.).

⁴ Адольф Фогт — профессор гигиены в Бернском университете, брат Карла Фогта. В письме от 21 октября 1858 г. Герцен писал сыну: «У Адольфа Фогта должны быть мои книги, картинки и собрание (теперь очень редкое) журналов 1848 года» (IX, 354).

⁵ Очевидно, Герцен хотел сделать подарок ко дню рождения Ольги, 20 ноября.

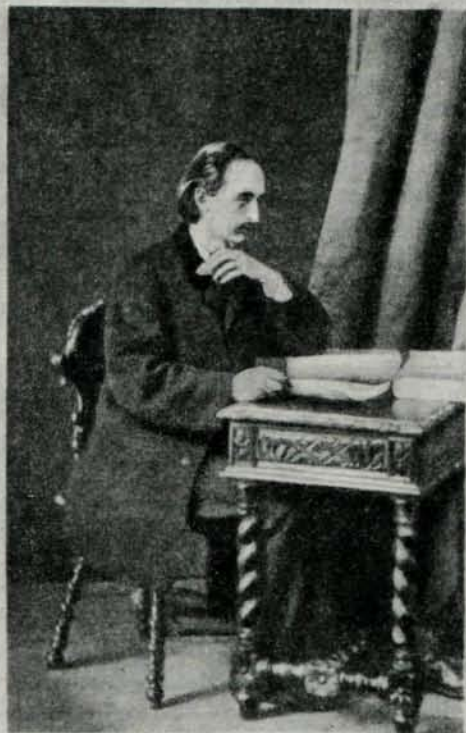
3

22 января 1860. Park house. Fulham

Любезный Саша,

Ты прав, что прошлое письмо мое писано далеко не в веселом расположении духа¹ — впрочем, жизнь человека и не должна идти, как полька, — веселой пляской. — В русском вопросе и в твоём отношении к России я вижу ты ничего не понимаешь — как это я уже заметил на Isle of Wight².

1-е. Без всякого отношения к собственному лицу — Россия представляет единственную страну, которая гигантски идет к социальному перевороту. Об этом, наконец, заговорили и «Times» и «Daily News»³ и вообще не немцы. Неужели ты так неопытен, что можешь воображать, что переход от николаевского деспотизма к экспроприации части дворянских земель и образование свободно-коммунальных общин может сделаться без отклонений, реакции, ошибок, при которых может не один Александр II, а десять сломить шею? Да ведь интерес-то человека развитого только и состоит в участии в общем деле — он доволен, если оно идет хорошо, т. е. и с перерывами, но к цели. Как можно — без необходимости — жить, напр<имер>, в Англии. Этого я не понимаю. Во Франции еще меньше. Если ты под этим разумеешь *жизнь в науке* — это другое дело, но тогда можно жить

Dr. M. - atque Chir.

А. А. ГЕРЦЕН

Фотография. Внизу рукою Герцена по-латыни: «Доктор Медицины и хирургии!»

Исторический музей, Москва

НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА Н. Х. КЕТ-
ЧЕРУ НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ
ФОТОГРАФИИ А. А. ГЕРЦЕНА

«Николаю Христофоровичу — в доказа-
тельство того, как страшно новое
поколение закладывает за галстух.
30 мая 1861»

Исторический музей, Москва

Николаю Христо-
форовичу — в до-
казательство того
как страшно
новое поколение —
закладывает за
галстух.
30 Мая 1861

и в Томбукту⁴, даже в гнусной Америке, делающей из рабства снование республики (вот плантатор-то ваш, женатый на Ф<огтовой> сестре, когда приедет, — расскажет тебе⁵).

2-е. Твое частное отношение мне толковать почти стыдно. Везде ты иностранец; в России ты один из *богатейших* наследников. Ты наследник всей моей и огаревской деятельности — и, следственно, разом поставлен в лучший и самый симпатичный круг. Все открыто — как своему; что ты из этого сделаешь, будет зависеть от твоих способностей, но, пожалуй, можно и ничего не сделать, но то хорошо, что не сделаешься, наконец (в Европе), почтенным профессором, филистром, женатым на немке, в глупейшем обществе и в самом ограниченном — умом и общежитием, или в Англии — ковать деньги. В таком случае, лучше просто постоянно путешествовать.

А прогорю к русскому вопросу — я что-то подозреваю что ты не понял моей статьи в 59 № «Колок<ола>» и Огар<ева> *ответ* в 58⁶. *Omni casu** — ты не имеешь никакой отговорки в непонимании русского вопроса.

Здесь проезжал молодой русский ученый Борцов⁷ — он будет потом и в Берне, ботаник, составитель флоры на Аральском и Каспийском море — он видел «Маскарад», который мне сделали сюрпризом Тхор<жевский>, Чернец<кий> и проч.⁸ А сегодня у нас обедает тот капитан, который командовал артиллерией при взятии Шамиля⁹.

23. <января>

Сегодня мороз — желаю, чтоб вы все и ты были здоровы, — и прощай.

* Во всяком случае (лат.).

¹ Это письмо неизвестно.

² Судя по письмам Герцена этого времени, зимой 1858 и осенью 1859 г., во время пребывания А. А. Герцена в Англии, Герцен и Огарев вели с ним беседы по вопросам «русского социализма».

³ 11 января 1860 г. «Times» была помещена корреспонденция из России. В ней говорилось о необходимости проведения крестьянской реформы и реформ управления и сообщалось об адресе, поданном 6 декабря царю. «Times» заключал в связи с этим адресом, что «Россия просыпается от длительной спячки». О какой статье в «Daily News» говорит здесь Герцен — не установлено.

⁴ *Томбукту* — город во французском Судане.

⁵ Речь идет об *Урихе*, муже сестры Карла Фогта. С дочерью Уриха, Эммой, А. А. Герцен был помолвлен. Эмма училась в Цюрихе, а родители ее жили в южном штате Тринидад, где на их плантации работали негры-рабы. Это вызывало возмущение Герцена.

⁶ Статья Герцена «Русские немцы и немецкие русские» печаталась в 53, 54, 56, 57—58 и 59 лл. «Колокола». Статья Огарева «Письмо и ответ» (впоследствии перепечатанная в сборнике «За пять лет» под названием «Ответ на письмо малороссийского помещика») помещена в 57—58 листах «Колокола». В них содержатся основные положения теории «русского социализма».

⁷ Илья Григорьевич *Борщов* (1833—1878) — известный впоследствии химик и ботаник, профессор Киевского университета; в ту пору, о которой идет речь, он приехал для занятий в немецких университетах. Герцен часто ставил его в пример сыну: «Борщов с головы до ног натуралист, а сколько страсти к общественному делу» (X, 303). И. Г. Борщов привлекался к следствию по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами», но от ответственности был освобожден.

⁸ По-видимому, говорится о каком-то устроении Тхоржевским и Чернецким чествовании Герцена как продолжателя дела декабристов, в тридцать четвертую годовщину восстания на Сенатской площади. Ср. в письме Герцена к сыну от 27 декабря 1859 г.: «Вчера у нас были моряки *; Тхоржевский и Чернецкий праздновали память 14 декабря» (X, 183).

⁹ Очевидно, этот же капитан упоминается в письме от 9 января 1860 г. (см. X, 197). Установить кто это, Лемке не удалось. Мы полагаем, что речь идет об инженер-капитане Адольфе Даниловиче *Фалькенгагене* (1821—1880) — см. «Военный сборник», 1863, № 11, стр. 73; 1864, № 9, стр. 150.

4

31 янв(аря) 1860. Park house. Fulham

Любезный Саша,

Что я тебе скажу о твоём последнем письме? Ты пишешь, что, читая мое, тебе было «грустно и смешно»¹. Мне было только грустно — и, может, всего больше оттого, что тебе было мое совершенно серьезное письмо — смешно. Придет время, когда ты не только будешь смеяться — но и поймешь. А потому я больше об этом писать не стану. Скажу только, — чтоб открыть тебе глаза на твоё совершенное непонимание вопроса, — что если б ты с тех пор, как начал рассуждать, прочитал бы со вниманием, что я пишу, что я писал за восемь лет до смерти Николая, то ты не написал бы пошлости, что Александр II дал импульс и что он может остановить, т. е. что не внутренние силы страны вовлекли его, а что он вовлек их. Не надобно быть политиком, чтоб понимать вещи лучше, чем какие-нибудь жалкие французики. Хотя и надобно иметь общечеловеческое образование — которое не выкупает никакого специальное ученье и без которого человек все же не будет человеком. Дольше об этом вопросе — писать я не буду. Man will — was man kann, man kann — was man will **. Я и Огарев, окруженные со всех сторон страшнейшим деспотизмом Николая, гнетом семейных предрассудков, мы вступили действительно в смешной бой с властью — и через тридцать лет — мы стали так, что само правительство признало, что мы власть в общественном мнении — les rieurs sont de notre côté! ***

* Речь идет о моряках с какого-то русского корабля. — *Ред.*

** Что хотят — то и могут, что могут — то и хотят (нем.).

*** сила на нашей стороне (франц.).

Нашу оппозицию теперь из истории не вычеркнешь — она бродит в сердцах юного поколения, бродит на Кавказе у офицеров, в Сибири и пр.² Естественно было желать, чтоб ты так же открыт был нашему слову, как все поколение. Естественно было желать — чтоб ты шел по пути, тяжело протоптанному, но протоптанному родными ногами — по нем ты мог дойти до, напр<имер>, до того, до чего дошел один из величайших деятелей в России — доктор Пирогов, который, как попечитель в Одессе, потом в Киеве, приносит огромную пользу, что не мешает ему быть первым оператором в России³. Но для этого надобно упорно хотеть. У тебя идеал быть профессором в Швейцарии — я не порицаю этого, но думаю, что ты незаконно бросаешь возможности — которые другие не имеют. Будь профессором, но для этого развей в себе *научные понимания*, куча сведений ничего не сделает, а пуще всего будь, пожалуй, и не профессором, будь просто человеком — но человеком развитым. Ты видишь, что я стеснять тебя не намерен; человек идеал свой имеет смолodu — у тебя его нет, ты не знал ни борьбы, ни усилий и рос вяло, не верю, чтоб ты и теперь мог определить будущность — именно потому, что настоящей кровной aggrègements^{*} нет, — я буду долею направлять и останавливать тебя — до 25 лет. Потом только советовать и помогать. Доволен ли ты? Если, впрочем, и это тебе покажется смешным — ты этого не пиши, а еще лучше останови и самый смех — как несообразный с тем уважением, полным любви, которое я заслужил от тебя. Ну и аминь.

Если К. Фогт еще у вас — скажи ему, что я его брошюры не получал и что мне очень хочется ее иметь⁴. — Наташа отправилась за билетами в манеж. К Ольге ходит daily governess **, однако не больно пряткая. Об поездке Natalie ничего нет положительного, теперь С<атины> в Москве, может в начале апреля они и приедут⁵. Я далее Дувра мечтаний не проектирую. Работы у нас много, да и весьма вероятно, что весна не обойдется без войны⁶.

Чернецкий заводит свою типографию — я был бы очень рад, чтоб он разбогател для доказательства рефужье***, что делает труд и воля⁷.

Прощай — пиши больше и будь здоров.

Рукою Н. А. Герцен:

Милый мой Саша,

Вот я только что воротилась с манежа — первый урок: надеюсь, что, когда ты осенью приедешь, я с тобой буду ездить. Не могу еще судить, какое это влияние на меня имеет, завтра увижу. Только от скачки у меня немножко голова болит, но это только первый раз.

Ну прощай, милый Саша, пиши, ездь, веселись и будь здоров.

Твоя Тата

Что делает Эмма?

¹ Оба эти письма неизвестны.

² О влиянии Герцена на Кавказе мог рассказывать упомянутый в предыдущем письме А. Д. Фалькенгаген, служивший там с 1852 г. (и до 1869 г.). Что касается Сибири, то известна переписка, которую Герцен вел в этот период с петрашевцем Ф. Н. Львовым по делу об «иркутской дуэли». В публикации В. Р. Лейкиной-

* Здесь — «задушевной мысли» (франц.).

** приходящая гувернантка (англ.).

*** эмигрантам (от франц. «réfugiés»).

Свирской в т. 63 «Лит. наследства» высказывается предположение и о других корреспондентах «Колокола» в Восточной Сибири (стр. 185).

³ Великий русский хирург Н. И. Пирогов с 1856 г. был попечителем Одесского, а с 1858 г. Киевского учебных округов, и на этих постах проявил себя как крупнейший педагог и общественный деятель. В частности, он защищал общеобразовательную школу, выступая против узкой специализации. Когда в 1861 г. Пирогов вынужден был выйти в отставку, Герцен посвятил ему статью «Киевский университет и Н. И. Пирогов» (см. XI, 104—105).

⁴ Герцен к этому времени уже читал брошюру К. Фогта «Studien zur Gegenwärtigen Lage», посвященную итальянскому вопросу. Отклик на нее мы находим в его статье «Война», помещенной в л. 44 «Колокола» от 1 июня 1859 г. (см. X, 1—11). Брошюру К. Фогта высоко оценил Чернышевский; она почти целиком перепечатана в шестой книжке «Современника» за 1859 г., в качестве приложения к статье Чернышевского. К. Маркс, однако, отнесся к ней резко отрицательно, выступив по этому поводу с памфлетом «Господин Фогт» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 247—543). См. о ней также выше, на стр. 432 настоящего тома.

⁵ Н. А. Тучкова-Огарева собиралась на континент для встречи с Сатиными, которые хлопотали о разрешении выехать за границу. В июне 1860 г. Н. М. Сатин побывал в Лондоне (см. X, 354).

⁶ После Виллафранкского мира, которым завершилась австро-итало-французская война 1859 г. (заключен 11 июля), отношения между Италией и Австрией были напряженными. В областях, еще не освобожденных от австрийского владычества, усилилось национально-освободительное движение. Австро-итальянская война, однако, началась лишь в 1866 г.

⁷ О Чернедком и судьбе его типографии см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 250—268.

5

⟨Лондон. 20 марта 1860 г.⟩

Письмо отдай сейчас и, отдавая, прибавь: «Я так мало имею веры в моего отца, что я задержал письмо»¹.

20 марта

Park house

Fulham.

¹ 13 марта 1860 г. Герцен написал письмо матери К. Фогта, которая советовалась с ним о предполагаемой женитьбе Александра Александровича Герцена на Эмме Урих. Герцен решительно возражал против раннего брака сына (см. X, 233—236), поэтому Александр Александрович Герцен не хотел передавать письмо, что и вызвало возмущение Герцена.

6

⟨Лондон.⟩ 30 июня ⟨1860 г.⟩. 10 Alpha road

Вот ольгин портрет. Твое письмо пришло — много снимется тягости и с меня, когда я увижу понимание и раскаяние. В письме твоём к Огар<е-ву> я ни того, ни другого не видел¹.

Татой я очень доволен — неужели ты до сих пор не понял, что ей не следует лет в 16 покинуть меня?² А впрочем, я готов на все жертвы — лишь бы вам было хорошо.

Думаю, что не в Вентноре мы соберемся, а около или возле Саутгемптона.

Прощай³.

¹ Эти письма А. А. Герцена до нас не дошли.

² Герцен беспокоился, что под влиянием раннего брака А. А. Герцена Тата тоже выйдет замуж слишком рано (см. X, 232).

³ К письму имеется приписка А. Таланье, французского революционера-эмигранта, друга семьи Герцена. См. о Таланье в «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 665.

〈Лондон.〉 9 июля 1860. 10 Alpha road. S. John's wood

Я принимаю твое последнее письмо за начало раскаяния. Я готов все простить — но не так легко в самом деле забывается то, что произвело сильную боль.

Я требовал от тебя жертвы — жертвы, которую диктовал здравый смысл, с которой согласны все, с кем я ни говорил. Ты отказал. Оскорбленный не только отказом, но притязанием мне толковать какую-то пустую теорию семейной жизни, я был строг: в твоей дерзости, с которой ты отвечал, я измерил, насколько мы чужие и насколько родные... Письмо к Огареву не лучше¹. Желание оправдаться и начало, может, угрызений совести — тебя привело к мелкому желанию обвинить меня. Ну, представь себе, что ты с документами в руках докажешь, что в минуту досады я дурно поступил; неужели это тебя оправдает? Нет, это только унижит меня.

Представь, что Огарев и Фохт скажут: «Да, действительно, он скверный человек». Весело ли тебе будет это торжество? Нет, любовь молодого к старому не может быть основана на кулачном бою. Если б я в самом деле был виноват — тут-то и было бы торжество любви в кротком ответе. И, заметь, я эту любовь и это уважение требую от тебя не только потому, что я твой отец, — но потому, что я знаю и чувствую, что всей моей жизнью я заслужил ее от молодого поколения (от русского по крайней мере) — я вправе требовать *пристрастия* — но как дар, идущий из сердца. Если б ты видел теперь здесь эту семью молодых офицеров, севастопольцев, отличившихся кровью и мужеством, которая окружает меня женской нежностью (одного из них, кн〈язя〉 Тр〈убецкого〉² ты увидишь), — то ты еще яснее поймешь, отчего иногда у меня навертывается слеза. Да, я тебе говорю откровенно — я многое, все клал на вас троих... но я плохой семейный человек. Не рвите же эти кровные связи — нехорошо будет вам, когда та семья чувственного юношества станет ближе... И когда я, испуганный этим, хватаюсь, чтоб Тата не пошла в сторону... ты и этого не понимаешь!

Сим я оканчиваю — я не сердит больше. Ищи не прощенья — я давно простил, ищи возвращения веры, ищи, чтоб мне легко было думать об этом как о случайности.

Письмо я к тебе переслал, потому что я всегда и все письма посылаю, но по твоему письму я вижу, что я хорошо сделал. Что за слабость — бежать от раскаяния. Тут тебе только новое доказательство — что я должен был тебя остановить³.

Вероятно, вакансии* начнутся в конце месяца — ты можешь захватить за Татой к Мар〈ье〉 Касп〈аровне〉 или согласиться с Тат〈ьяной〉 Петр〈овной〉 или с Сатиными — где и как встретиться. Тата может на несколько дней захватить в Берн⁴, — при этом возьми у Мар〈ьи〉 Касп〈аровны〉 до моря горничную Станкевича или другую. Между 10 и 15 августа я вас буду ждать, вероятно, не в Вентноре — там слишком много русских. Лето здесь ужасное — холод и дожди.

Будь здоров, обнимаю тебя. Ольга здоровет и хорошеет.

На днях мне и Огареву давали splendidный** обед — почти все русские, находящиеся в Лондоне, — это была годовщина первого листа «Колокола». Подробности я писал к Тате⁵. На обеде из старых знакомых были Чернец〈кий〉, Тхоржев〈ский〉, моряки⁶ — обед начался в 8 часов и кончился в 3¹/₂.

Понедельник

* каникулы (от франц. vacances).

** великолепный (от англ. splendid).

¹ Письма А. А. Герцена к Герцену и Огареву неизвестны. Жертва, о которой идет речь, — обещание А. А. Герцена подождать со свадьбой год.

² По-видимому, Павел Петрович *Трубецкой*. 15—18 августа 1860 г. Герцен писал старшей дочери: «Если в Берне к нему <Александру Александровичу> придет князь Трубецкой (Павел), то чтоб принял его как нельзя лучше» (X, 368). П. П. Трубецкой был участником Севастопольской эпопеи. Находясь за границей, встречался с Герценом и впоследствии привлекался по делу «О сношении с лондонскими пропагандистами», но от ответственности был освобожден. С 1863 г. — мировой посредник в Москве.

³ По-видимому, письмо от Эммы Урих. А. А. Герцен собирался ехать к ней в Тринидад, но начал колебаться, и это подтвердило Герцену, что чувства его сына к Э. Урих были непечальны.

⁴ Н. А. Герцен жила в это время в Дрездене, куда поехала с Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизой для свидания с Сатинными. Т. П. Пассек и ее сыновья также были в это время в Германии.

⁵ См. письмо Герцена к дочери от 6 июля 1860 г. (X, 361).

⁶ О своих и Огарева связях с моряками с русских военных кораблей, заходивших в английские порты, Герцен рассказал в «Былом и думах», в эпизоде главы «Апогей и перигей» (изд. АН, т. XI, стр. 295—328).

8

<Лондон.> 14 июля <1860 г.>. 10 Alpha road

Если ты едешь 22<-го> — то поезжай не в Гейдельберг, а прямо в Дрезден, оттуда в Гейд<ель>берг вместе с Татой. Тате одной с тобою ехать на воды невозможно иначе, как на самое короткое время ¹. В Берне было бы лучше. В Дрездене вы возьмете горничную, о которой я писал. В Гейдель<берге> она остановится у Сат<инных>, а ты в hôtel'e.

Мое письмо к тебе было исполнено любви и печали — и я действительно не понял, чему ты радовался ². Внимательно ли ты прочел его?

И я вовсе еще не в радостном положении. Вчера С<атин>, благороднейший, превосходнейший человек, который остался, каким был в 1834 году, пишет: «Спаси Alex<andre'a> от глупости преждевременного брака». — А Мар<ья> Кас<паровна>: «Разумеется, вы правы — да послушается ли он вас?». — Наконец, Таландые и тот остолбенел.

Моя совесть, мое понимание и любовь к тебе говорят то же, что они, — один ты говоришь другое. Оттого-то я тебе и дал грустную волю делать как хочешь, но никогда не дам согласия противно моему убеждению.

Если б Тата могла до Лондона доехать с Тат<ьяной> Петр<овной>, это было бы лучше ³.

Насчет пути все, что я пишу, ты должен принять за приказание.

Прощай. Пиши, когда выедешь.

Извести также вперед и Тату.

¹ А. А. Герцен предполагал тогда ехать на воды в Швальбах.

² Очевидно, говорится о предыдущем письме.

³ Т. П. Пассек в Лондон не приехала. Герцен встретился с ней в Париже летом следующего, 1861 года. В Англию она приезжала в конце августа 1861 г.

9

<Лондон. Между 10 и 20 августа 1860 г.> ¹

Любезный Саша,

Обо всем я переговорю с тобой в Лондоне. Советоваться, придумать — я готов с тобой, как с другом. Но позволить и допустить, чтоб ты разом расстроил целый план и не приезжал бы с Наташей, как я сказал, я не могу, да, вероятно, если ты подумаешь, то и не потребуешь этого.

А потому — по получении этого письма — ты (как было сказано в прошлом письме) приедешь сюда ². Это очень странно — я все приготовил, нанял большой дом, чтоб провести с вами два месяца и придумать,

что делать, — и снова меня обрекаешь ты на пустоту, после того, как нанес мне все-таки сильное огорчение. Я думаю, что Тата на это не согласна.

В будущее воскресенье или понедельник я вас жду.

С каким восторгом ты мне писал месяца два тому назад об Тат<ьяне> Петр<овне>.

Р. S. Я очень рад, что С<ерно>-Сол<овьевич>³ тебе понравился, — в многом я желал бы, чтоб ты походил на него, — этот человек всеми корнями живет в общей деятельности.

¹ О доме, нанятом в Бурнемусе, Герцен писал детям 9 августа 1860 г., а 23 августа он сообщал М. К. Рейхель об их приезде: этим определяются крайние даты письма.

² Речь идет о планах поездок А. А. Герцена. *Прошлое письмо* — неизвестно.

³ А. А. Герцен встречался с Н. А. Серно-Соловьевичем в Берне (см. об этом в следующем письме).

10

<Лондон.> 14 нояб<ря> 1860 г.>

10 Alpha road. S. John's Wood

Читай один

Любезный Саша,

Завтра дети переезжают в Orsett house, Westbourne terrace, Paddington. Мы еще останемся дней пять здесь. Писать можешь туда. Дом не велик, но очень хорош. У Огар<ева> внизу au rez-de-chaussée * спальня и кабинет. У меня кабинет возле гостиной — большой — и наверху три спальни, да *аттик*, как англич<ане> называют чердак, с одной хорошей и тремя дурными. Если все пойдет хорошо и Natalie приедет¹, я перейду на чердак, а у ней будет комната возле Таты и miss Reeve...²

Вмешательство Сер<но>-Сол<овьевича> извинительно потому, что он молод и потому, что он его делает из любви. Но оно противно моим правилам, и вот почему. Помочь посторонний редко может — а не понять и перервать почти всегда. Нравственное доверие необходимо — это то чувство уважения, то чувство веры, которое лежит в основе истинной дружбы и сыновней любви.

Я требовал от тебя веры не только в меня, но и в Огарева — мы не можем состоять даже в подозрении дурного поступка, т. е. негуманного. Это было бы *démenti* ** всей нашей жизни... Какой же совет может подать Сер<но>-Сол<овьевич>? ***

Что касается до партии (это я позволяю тебе написать С<ерно>-С<оловьевичу> и пр. — если мы дурные люди, то тем лучше — пусть с нас снимут венки. Но — друг мой — ты этого не опасайся. В жизни могут быть странные коллизии — но порочного и дурного в нас не найдут³.

Мы думали, что одиночество и сосредоточенность сведет мир в душу Natalie, — мы, кажется, ошиблись. Причина ее отъезда — и это я тебе говорю клятвенно — *одна и исключительно одна* — негуманность с детьми и с нами, упорство в этой негуманности — *вот где начало раздора*. Ожесточение Таты и дичанье Ольги были достаточны, чтоб остановиться. Ты знаешь, что и что я взял на душу за вас; вас спасти я присягнул умирающей мамаше — пока я жив ****.

¹ Н. А. Тучкова-Огарева в это время находилась в Берне и в связи с обострением отношений с Герценом предполагала провести там зиму.

* на первом этаже (франц.).

** опровержением (франц.).

*** Последний абзац подчеркнут рукой Герцена и на полях написано: «Все это секретно тебе одному».

**** Конец письма не сохранился. — *Ред.*

² Эмилия Рив в сентябре 1860 г. была приглашена к Н. А. Герцен воспитательницей (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 256).

³ Н. А. Серно-Соловьевич обратился к Огареву 19 ноября 1860 г. с письмом, посланным через Н. А. Тучкову-Огареву («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 533—536). В этом письме он высказывал свой взгляд на ее отношения с Герценом и Огаревым. Он напоминал об ответственности Герцена и Огарева, даже в их личной жизни, перед теми, кто встал под их знамя. Н. А. Серно-Соловьевич утверждал, что разлад между ними дает пищу пересудам врагов. Из комментируемого письма ясно, что Герцен узнал о «вмешательстве Серно-Соловьевича» еще до получения его письма, из письма сына.

11

⟨Лондон.⟩ 22 ноября ⟨1860 г.⟩
Orsett house. Westbourne terrace

Читай один

Любезный Саша,

Что меня особенно поразило в прошлом письме твоём — это широкое понимание и горячая любовь. Этим письмом мы стали ближе и равнее. Об этом больше я не говорю, а еще раз обнимаю тебя ¹.

Сегодня я получил и последнее письмо твоё ². Пока Ольга здесь — ехать Natalie невозможно: ни одной комнаты нет. Дом новый очень хорош, только немного спальнями обижен. Но дело не в дне и не в неделе. Теперь я тебе поручу еще одно (опять-таки этого письма не показывай, а скажи: «Все это я говорю от себя»). У меня тени нет сомнения в искренности, в раскаянии, в любви N⟨atalie⟩, но, имея наше влияние, ты должен сильно стать теперь на сторону Таты и Ольги, ты можешь требовать, а главное рассуждать. Я еще раз тебе говорю: не было другой причины, кроме детей и негуманного обращения, которое, наконец, довело не только меня, но Огар⟨ева⟩ до ожесточения. Горе, если это повторится. Прошное все забыто, стерто, но сил вынести в будущем меньше и меньше.

А потому главное не в том, чтоб торопиться, а в том, что⟨б⟩, еще раз остановившись на пороге, Natalie поняла всю святость нового обета ³. Все это мне особенно пришло в голову, читая письмо Таты ⁴, — оно поразило меня, я советую — тебе показать его Nat⟨alie⟩ (по секрету от Таты) — вот где причина ссор. Меня мороз провел по коже от слов Таты об «ненависти» — потому что я знаю, о чем она говорит.

Будь осторожен и тверд в словах и напиши мне главное из вашего разговора.

Затем прощай.

Между отъездом Ольги и приездом Natalie должно пройти несколько дней — для того, чтоб Тата могла сблизиться с miss Reeve.

¹ По-видимому, не без влияния Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Герцен сообщил отцу свой взгляд на отношения его с Н. А. Тучковой-Огаревой. Письмо это (оно неизвестно) потрясло Герцена и Огарева и сыграло роль в их примирении с ней. Герцен отвечал сыну 16 ноября 1860 г.: «Ты мне доставил минуту полного счастья, — я уважаю в тебе уж не только сына, но друга в глубоком смысле. Я благодарю тебя за эту минуту гордости тобой. Все кончено, все прошедшие вины и недоразумения стерты. Я, чтоб тебя наградить, тебе пишу эти строки. Святое, полное примирение с Natalie — и начнем свежими силами новую жизнь» (X, 457—458).

² Это письмо также неизвестно.

³ Речь идет об отношении Н. А. Тучковой-Огаревой к старшим дочерям Герцена. «Новый обет» — по-видимому, новое торжественное обещание, данное Натальей Алексеевной в память о Н. А. Герцен, относиться к ним по-матерински.

⁴ Письмо Н. А. Герцен до нас не дошло.

«Лондон.» 5 декаб<ря> 1860 г.>
Orsett house. W<estbourne> terr<ace>

Любезный друг,

Сегодняшнее письмо от Natalie¹ расстроило нас ужасно. Меня до лихорадки — не мог ничего делать. Теперь я от тебя требую деятельного вмешательства. Долг, святость воспоминаний, уважение друг к другу требуют, чтоб Natalie приехала сюда. Ог<арев> и я — мы это *требуем*. Что изменилось? Да, у меня душа избита многим, да разве это новость? Она могла быть новостью для тебя, потому что есть лета, в которые это не понимается.

Ты должен уговорить и отправить Natalie и Лизу в Париж *как можно скорее*. Письмо придет 7<-го>; 10-го можно быть в Париже².

Пусть же Natalie докажет, что она изменилась, — кротостью повиновенья. Пусть докажет здесь, что мои сомнения — вздор.

Пиши сейчас ответ. Сегодня наши именины. У нас никого, и не будет шампанс<кого> в первый раз, я думаю, с 1825 года. Огар<ев> тоже не празднует рожденья³.

Мы ждем — и праздники откладываем.

Посылаю вексель в 40 ф. Итого теперь 2000 ф., как ты хотел. Ты смотри, чтоб на дорогу никак не меньше было — за уплатой всего здесь 700 ф.

Прощай. Таты нет дома — мне очень и очень скучно.

Рукой Огарева:

Если ты вырос настолько, что в жизнь вдумываешься серьезно, то докончи свой подвиг и покажи Натали, что непонимание, доводящее до безумия, — грешно, и во имя мое высылай ее сюда, пока время не опасно для Лизы. Слова истины я не продам ни за какие блага на свете, но пора же и Натали увидеть, что непонимание не есть искренность; итак, ее последнее письмо пусть забудется, как пустой бред, и я имею к ней то уважение, которое не сомневается в ее приезде.

Вмешательство Сер<но>-С<оловьевича> для меня тем более странно, что он не принадлежит, кажется, к разряду Рудиных и должен понять, что нельзя из серьезного вопроса делать пошлую сплетню, что будет необходимым результатом постороннего вмешательства.

Ольга ждет Лизу в Париже⁴. Тата ждет Натали и Лизу здесь, готовит Лизе разные картины, Натали посылает план дома⁵. Мы распорядились комнатами так, чтоб разместиться удобно, и комната Натали готова и ждет.

Обними за меня мать и дочь и себя самого.

Рукой Герцена:

Письмо к Натали от нас послано на ее адрес⁶.

Я начинаю думать, что Сер<но>-Сол<овьевич> дурак — умный не осмелится замешаться в такое глубоко личное дело. Если я так дружески горячо принял твое вмешательство, если я за него тебя еще больше полюбил и оценил... то это не значит, чтоб всякий добрый человек был допущен мною или Огар<евым>.

Завтра рожденье Огар<ева>.

Прощай.

¹ Письмо Н. А. Тучковой-Огаревой от 3 декабря 1860 г., в котором она снова предложила отложить свой приезд, ссылаясь на недоверие к ней Герцена: «... Твой страх парализует меня, твое недоверие пугает <...> Я лучше стану ждать наисвет-

лейшую минуту, чтобы явиться к вам; не Лизу одну, — надо, чтобы и меня вы ждали радостно, а если этого не должно быть, расстанемся дружески и печально» («Русские пропилеи», т. IV, М., 1917, стр. 261—262).

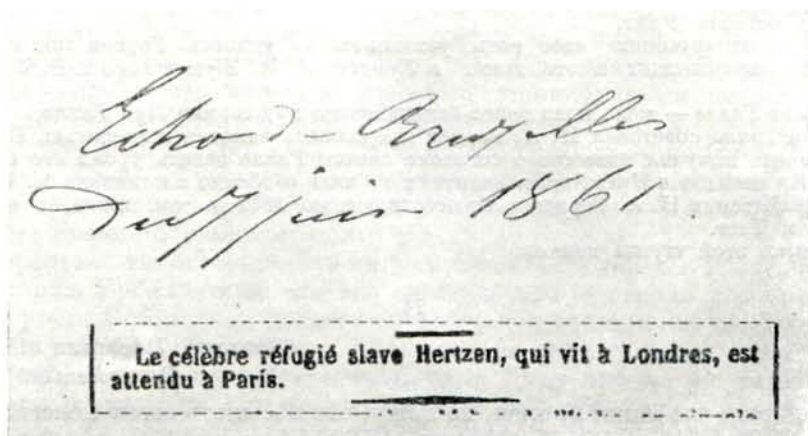
² Наталья Алексеевна Тучкова-Огарева вернулась в Лондон 24 декабря 1860 г.

³ Наши именины — именины Герцена и его сына, праздновавшиеся 23 ноября/5 декабря. День рождения Огарева приходился на следующее число — 24 ноября/6 декабря.

⁴ Ольга Александровна Герцен с М. Мейзенбут выехали в Париж 28 ноября 1860 г.

⁵ Очевидно, нарисованный Натальей Александровной Герцен план дома на Westbourne terrace.

⁶ Это письмо неизвестно.

СООБЩЕНИЕ О ПРЕДСТОЯЩЕМ ПРИЕЗДЕ ГЕРЦЕНА В ПАРИЖ,
НАПЕЧАТАННОЕ В БЕЛЬГИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ «ECHO DE BRUXELLES»
7 ИЮНЯ 1861 г.

Газетная вырезка. Сохранилась в «деле» бельгийской полиции о Герцене
Центральный архив литературы и искусства, Москва

<Londres.> 16 sep<tembre 1862>
Orsett house, W<estbourne> terrace

Несмотря на то, что ты послал письмо в 7^{1/2} в понед<ельник>, оно все-таки пришло во вт<орник> в 9¹. Бумагу послали, не верю я, чтоб бумаги и физики не было в Рейде ². Не знаю, успею ли до 6 купить — жду двух русских ³.

Табак пришло — ты знаешь ли, что Галле madame ⁴ ненавидит табачный дым?

Да это истинное счастье для вас — и за это вы должны благодар<ить> Мальвиду (кланяйся — ну и ты... татата — понижее, еще). Неужели ist es möglich, daß Sie — sollte es nötig sein — nicht für 2 M<onate> nach Bruxelles gehen werden? I cannot believe! ⁵

Siegel — geschlagen.

Pulszky — frei.

Gabo, Drasch, Krimp, Fretch — sehr zufrieden.

Was soll ich für eine Niederträchtigkeit machen, um von meiner Seite eine schöne und dankbare Seele d H<errn> Gallait zu zeigen?

Ich will in der *Glocke* ihn als Kandidaten zum Marechal v<он> Kostroma proponieren *⁶.

Адье-с. Прощайте.

Рукой Лизы Герцен:

Olga тебе

Рукой Герцена:

кланяется. Это Лиза.

¹ Это письмо А. А. Герцена неизвестно.

² Старшие дети Герцена находились на даче на острове Уайт. *Рейд* — портовый город на острове Уайт.

³ О каких «русских» идет речь, установить не удалось. Герцен мог ожидать посещения приехавших в это время в Лондон Н. И. Жуковского и В. Ф. Лугинина.

⁴ М-ме Галле — жена известного бельгийского художника Луи Галле.

⁵ Луи Галле советовал Н. А. Герцен продолжить занятия живописью. По-видимому, Герцен получил известие о согласии самого Галле давать уроки его старшей дочери. На поездке в Брюссель и занятиях с Галле особенно настаивала М. Мейзенбург. О пребывании Н. А. Герцен в Брюсселе осенью 1862 г. см. ниже, в письмах Герцена к Тате.

⁶ Смысл этой шутки неясен.

14

<Лондон.> 7 февраля <1864 г.>¹

Воскресенье

Очень рад, что ящик явился, но вижу, что посылать вещи нелегко и недешево ². Деньги посланы к Фензи — 500 ф<ранков>³. Сертук ты шил, кажется, напрасно. Здесь еще запас твоего платья. О микроскопе еще увидим — до сих пор ты не встречал препятствий в деле научном. Но я желал бы от тебя и в твои лета — видеть серьезное отношение к науке и ее вопросам. Микроскопы можно любить из *Liebhabelei* **, как рысистых лошадей, экипажи, — и можно в них видеть средства для тех же вопросов.

Я считаю случай спасти тебя от лондонской праздности чрезвычайно счастливым, но только если в твоих занятиях будет твердая система и твердая воля ее выполнить. К твоему отъезду можно купить *Ahmsich* микроскоп<оп> (в «Былом и д<умах>» я говорил, что у Химики стоял Ам<зиха> м<икроскоп>)⁴, но, что десятеро важнее, — это две вещи, без которых все же твоя наука будет скользить при всех инструментах: не зная ни химии, ни физики, нельзя быть натуралистом. Для этого надобно же подумать о программе, ее нельзя совсем оставлять на счастливые встречи. Шиф встретился, Фиша самого надобно найти ⁵.

Что Мариѣ — насчет письма к Гариб<альди>? ⁶ Пошли Miss Reeve, что я писал.

¹ Воскресенье приходилось на 7 февраля в 1864 г. По содержанию также письмо, без сомнения, относится к этому году.

² Речь идет о вещах А. А. Герцена, отправленных багажом из Англии 18 декабря 1863 г.

³ *Фензи* — банкирская контора во Флоренции.

⁴ В «Былом и думах» речь идет о микроскопе Шевалье.

* возможно, что вы, если окажется нужным, не поедете месяца на два в Брюссель? Не могу поверить!⁵ Зигель побежден. Пульский свободен. Габо, Драш, Кримп, Фреч очень довольны. Какую же низость должен я совершить, чтобы со своей стороны показать прекрасную и благодарную душу г. Галле? Я в «Колоколе» предложу его в кандидаты на должность костромского предводителя дворянства⁶ (нем. и англ.).

** пристрастия (нем.)

⁵ Мориц *Шиф* (1823—1896) — немецкий физиолог, профессор бернского, а затем флорентинского университета, у которого работал ассистентом А. А. Герцен. *Фини* — шутилая перестановка букв фамилии Шиф.

⁶ Герцен интересуется мнением маданиста Альберта *Марио* и его жены, английской писательницы, о своей статье «Ответ Гарибальди».

15

«Лондон.» 24 июня <1864 г.>
Bryanstone house. Bournemouth

Письмо твое из Женевы получил ¹. Вчера мы полдня прождали все в Christ Church и, приехавши в 11 вечера домой, нашли телеграмму, что они приедут сегодня часа в два ². Досадно, что Фогт так долго сердится; деньги, данные им, я уже возвратил через Швейцарский банк. Ты, стало, не обязан ему отдавать 500 ф<ранков>. Дети заняли еще что-то у Львицкого ³, я не могу это найти слишком дешевым. Не дает мне судьба — с Татой и Ольгой — побывать, как мне хотелось, где-нибудь на изящном месте в первый раз. Неаполь отняла Мальвида, Комо и Альпы — ты, но беды в этом нет. Можешь там обедаться впечатлениями — портить будущую, длинную жизнь. А может, чем раньше выпита вся чаша, тем покойнее пойдет существование. Себе ты дал богатые ферии * — хоть это хорошо, но, мне кажется, слишком долго ⁴.

Вероятно, ты особенно что-нибудь сделал против К. Фогта, — только за историю Ур<их> он не мог так рассердиться — старайся и из этого извлечь урок. Пойми, как должны смотреть посторонние на твой тон, когда я не могу привыкнуть к нему. Ех<empli> gr<atia>, я пишу, предоставляя Мейз<енбург> и детям выбрать путь через Дувр или на Саутамтон. — Ты пишешь: «Саутамтон — *нелепость*». Может быть, на Дувр ехать лучше, но, наверное, ни один tant soit peu ** оболваненный человек не скажет человеку вдвое старше себя — *нелепость*. А потом ты удивляешься, что письма твои не нравятся... Ну, если ты когда-нибудь загнул такую глупость Фогту — нечего дивиться, что он бегаёт от тебя. Письмо твое, которым я был недоволен, я отложил, чтоб поговорить. Холод, с которым ты говоришь о мерах, как взять ребенка⁵, твои антецеденты ***, указывающие и без того на большую легкость прощать себе, — наконец, какой-то общий тон persiflage'a ****, не шедший в этом письме, — возмутил меня. Раза два ты верил мне — можешь поверить и теперь. Введи в жизнь серьезные интересы, прочное занятие и наблюдай над собой как натуралист и как медик и старайся разумом исправить то, что было запущено — по общей вине и по общим несчастиям.

И еще далее — надобно избрать, наконец, и путь и цель — надобно сделаться чем-нибудь из молодых rentiers. Человеком вообще — нельзя быть. Политическое поприще я считаю для тебя невозможным — мало ли естествоведение представляет специальностей. Было время, в которое выбору было много, — оно ушло — в 25 лет человек должен дефинитивно осесть или блуждать и в 75.

Пишу я это именно сегодня, потому что серьезная сторона твоих занятий не видна ни в одной строке.

Боюсь, что и этот раз все мои планы разлетятся, как дым, и все дело пойдет опять на S<aint> Malo и Париж, на Saint Malo и Лондон. Ехать все согласны — Ор<арев>, Nat<alie>, я. Чернец<кий> готов продать станки — а война на носу. Я даже опять думаю о Брюсселе ⁶.

Отчего же ты не написал, как ты встретился с Бакуниным ⁷.

* каникулы (от нем. «Ferien»).

** сколько-нибудь (франц.); следующее далее слово, оболваненный* надо понимать здесь в смысле „отесанный“.

*** прежние поступки (от франц. «antécédents»).

**** насмешки (франц.).

Леле ⁸ лучше, но Nat<alie> еще не сходила вниз обедать с русск<ого> Нового года. Огар<еву> предоставляю тебе писать детали о маленьк<ом>⁹. Я и тут того же мнения, как о микроскопе, — думай об его будущности, думай, что теперь вдесятеро труднее его взять и что ее жизнь в Тед<динг-тоне> и посещения дали ей права, которые я признаю справедливыми. Вот вопрос — и с ним ты не так легко развяжешься, как с прежними романами.

Затем прощай.

Припадки Огар<ева> были обыкновен<ные>. Но он много пьет и говорит, ч<то> это ему не вредно, и tout au plus * сделается водяная. Спроси Шифа.

Отошли в Турин 50 фр<анков> Михайловичу<?> по следующему адресу: Monsieur Th. Zagorovski. Torino, via Sotto Ripa, № 3¹⁰. Напиши ему, т. е. Загоровскому, что я тебе поручил etc.

Час. Еще их нет, жду с нетерпением. Я много надеюсь от этих 4 или 5 месяцев. У нас довольно спокойно. Может, я в Тате найду большую опору себе и детям, у меня досуга больше и больше охоты вместе читать. Посмотрю, что могу построить на этом грунте. Ольга молода для помощи, но много может внести жизнь. Ладу у нее, я уверен, нет с Татой. И не знаю, кого тут винить, Мейзенбург или ее самое. Во Флоренции Мейзенбург делала нелепости, а вы для Ольги ничего не делали — что также скверно.

К весне мы переедем — в Комо, так в Комо — надобно для этого иметь в виду большую виллу.

Затем кланяйся Кашперову¹¹.

Мне нужен не подробный счет, а общий — что было занято, что взял в Фрибурге¹², сколько осталось у тебя. Если Фогту ты отдал — бери назад.

7 часов. Телеграмма о том, что они опять сели на дороге перед Соутамтоном. Дорога эта, действительно, нелепость; если б они поехали в Лондон, они 28 часов прежде были здесь.

¹ Это письмо неизвестно.

² Герцен ездил в Christ Church на почтовую станцию, недалеко от Бурнемуса, — встречать старших дочерей и Мейзенбург.

³ О С. Л. *Львицком* (Левицком), двоюродном брате Герцена, см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 255—256.

⁴ Н. А. и О. А. Герцен в 1863 г. впервые побывали в Италии с Мейзенбург. Н. А. была в Швейцарии у брата в 1860 г. Говоря о «фериях» сына, Герцен имеет в виду совершенные по окончании университета поездки по Швейцарии, а также в Англию и Норвегию.

⁵ Речь идет о Тутсе — сыне А. А. Герцена и Шарлотты Гетсон. См. об этом ниже, в письме № 19.

⁶ План переезда на континент в связи с трудностями сбыта изданий Вольной русской типографии возник у Герцена еще в августе 1863 г., но был осуществлен только в мае 1865 г. Подробно об этом см. в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция»» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 1—48) и в публикации Я. И. Линкова «Письма Людвиг Чернецкого» («Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 250—268). Предполагался, в частности, переезд в Италию; о войне Герцен пишет именно в этой связи, имея в виду начавшуюся впоследствии австро-прусскую войну, в которую Италия вступила в 1866 г. на стороне Пруссии. Какие конкретно проекты были связаны у Герцена с Saint-Malo, сказать трудно, так как упоминание о нем в этой связи мы встречали до сих пор только один раз — в письме к Огареву от 11 ноября 1863 г.: «Не в том ли может быть сомнение, что я писал о *старом* будущем? Что я могу об нем сказать прежде С.-Мало?» (XVI, 516).

⁷ Бакунин в конце 1863 г. переехал во Флоренцию, где состоялось его примирение с А. А. Герценом после ссоры, происшедшей летом того же года в Швеции, куда А. А. Герцен ездил по делам «Земли и воли». См. об этом «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 76, и XVI, 493.

* самое большое (франц.).

⁸ Деля, младшая дочь Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой, в это время хворала.

⁹ Речь идет о Тутсе и его матери, Шарлотте Гетсон.

¹⁰ О Михайлове и Загоровском мы не имеем точных сведений. По-видимому, Загоровский был польским эмигрантом: в письме Герцена к сыну от 13 июля 1864 г. говорится, что он получал деньги из общего фонда (см. XVII, 291). Михайлов упоминается в письмах Бакунина; по некоторым сведениям, это был агент III Отделения (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 52).

¹¹ О композиторе В. Н. Кашперове, приятеле Огарева, см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 149—158.

¹² В кантональном банке Фрибурга находилась часть капитала Герцена.

16

⟨Лондон.⟩ 16 нояб⟨ря 1864 г.⟩.

11 Eastbourne ter⟨race⟩

Вчера Ог⟨арев⟩ уехал на монастырское заключение в крошечной конуре entre Richmond et Mortlake *1. 11-го N⟨atalie⟩ с детьми уехала в Париж. 20-го я еду в Париж — Женеву. Дебандада ** общая. Я оставался оттого что Ог⟨арева⟩ нельзя было покинуть. Наконец я с бою взял почти обет ничего не пить, кроме бордо. Нефтель очень хорошо распоряжается ². На другой день после послед⟨него⟩ припадка он слушал его сердце и нашел такую слабость, что испугался. Завтра неделя, что он соблюд⟨ает⟩ диету — авось еще и спасем его.

Теперь перехожу к твоему длинному письму ³ — оно, разумеется, и Огар⟨ева⟩ и меня настроило еще грустнее. Я тебе напишу мое мнение — с той откровенностью, которую твое письмо заслуживает. Да, саго mio, если б ты о предметах важных и глубоко трагических всегда выражался так — мы не ссорились бы с тобой из-за слов. Дерзость слов пьянит обе стороны. В твоём письме видна сдержанная печаль — и потому оно нас сильно потрясло.

Письму этому я придаю такую важность, что хочу его застраховать, и прошу тебя немедленно известить о его получении, адресуя мне запечатанное письмо — хоть на адрес Левицкого — 22 Rue Choiseul.

Во-первых — и с самого начала — мы оба, т. е. Огар⟨ев⟩ и я, требуем от тебя истинно человечески святой клятвы сделать все, что может сделать брат для маленьких детей, особенно после смерти кого-нибудь из нас. У меня в книге есть письмо, писанное к тебе, когда я ехал в Италию ⁴. Это мы возлагаем на твою совесть. Во-вторых, старайся их примирить — я буду писать об этом к Тате; от таких порывов мести надобно Ольгу избавить. Мы оба употребим все усилия, чтоб Лизу исправить. У нее натура грациозная и превосходная. Вражда к ней и к ребенку — безобразна.

Сказав это, я скажу и другое. Даю тебе слово не натягивать ни прямо, ни косвенно общего житья — при теперичных обстоятельствах я его не считаю возможным.

На Флоренцию я согласен. Если ты приищешь дом, — торопиться некуда до весны, мы посмотрим, т. е. я говорю о покупке, а если придется нанять — это можно сделать легче. Признаюсь, что покупать бы мне не хотелось — мы живем в мудреное время, и почем еще знать, не поедете ли вы все в Россию. Жить во Флоренции я не стану — но хочу с вами быть almeno *** 4 месяца в году, и еще больше желал бы в жары ехать в Bagni di Lucca или Лугано. Флоренция zu schön ****, в ней жить прятно.

* между Ричмондом и Мортлэйком (англ.).

** беспорядочное бегство (от франц. «débandade»).

*** по меньшей мере (итал.).

**** слишком красива (нем.).

Огар<ев> хотя и говорит, что готов в апреле на переселение, но держится крепко за английскую землю — нудить его не буду; что же касается до меня, то считай на верное, что *в мае месяце* — я с вами ⁵.

Постарайся ссору и разр. в привести в формы обычной учтивости; что во всем участвует *действительно* повреждение, я не сомневаюсь. Примирений, мнимых сближений я не хочу, но, Саша, помни и то — если со стороны N<atalie> наступит время искреннего раскаяния, то мы вправе ждать от Таты полного сближения с детьми и настоящего примирения. Будущее предоставлю будущему. Знай, что на нас лежит — и мы вынесли всю ответственность — долг столько же святой любви и, так сказать, протектората маленьких детей. Если б из-за несчастного характера N<atalie> мы оба предоставили их воспитание произволу и случайности, ты первый имел бы право восстать.

Итак, во всяком случае, я надеюсь на тебя. Насчет материального дела — он очень прост, и мое завещание может уложиться на четвертушке. Ты знаешь, я получаю (до изменений) 50 000 фр<анков> max<imum>.

Огар<еву> 10000.

После его смер<ти> и моей каждому придется по 10 000 ренты. Так как Ог<арева> рента пойдет мал<еньким> ⁶, то ты и Тата с Ол<ьгой> должны или дать им ренту в 20 т<ысяч> ф<ранков> или капитал, дающий ее. Буде доход уменьшится (как теперь я получаю 45 000) — уменьшаются пропорционально и пай. Далее, вам троим еще предстоит капитал за костром<ской> доход и костромская земля ⁷.

Исполните всё, Саша, свято и точно.

Аминь!

Если мне будет время — я полкапитала буду выделять каждому и начал бы с тебя. Но дом парижский не продашь в один день, а Америка все плоха ⁸.

¹ Огарев считал уединение необходимым условием своего лечения.

² О враче В. Ф. Нефтеле см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 399—400.

³ Письмо это неизвестно.

⁴ Герцен, по-видимому, имеет в виду неизвестное нам письмо к сыну, написанное во время поездки в Италию осенью 1863 г. Впервые после семейной драмы 1851—1852 г. Герцен посетил тогда в Ницце дома Сю и Дуйса, где они жили, и могилу Натальи Александровны. Письмо к сыну, вызванное переживаниями от этих посещений, Герцен, очевидно, переписал себе в записную книжку.

⁵ Герцен уехал из Лондона в марте 1865 г.

⁶ М<аленькие> — вскоре умершие дети Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой — Елена и Алексей.

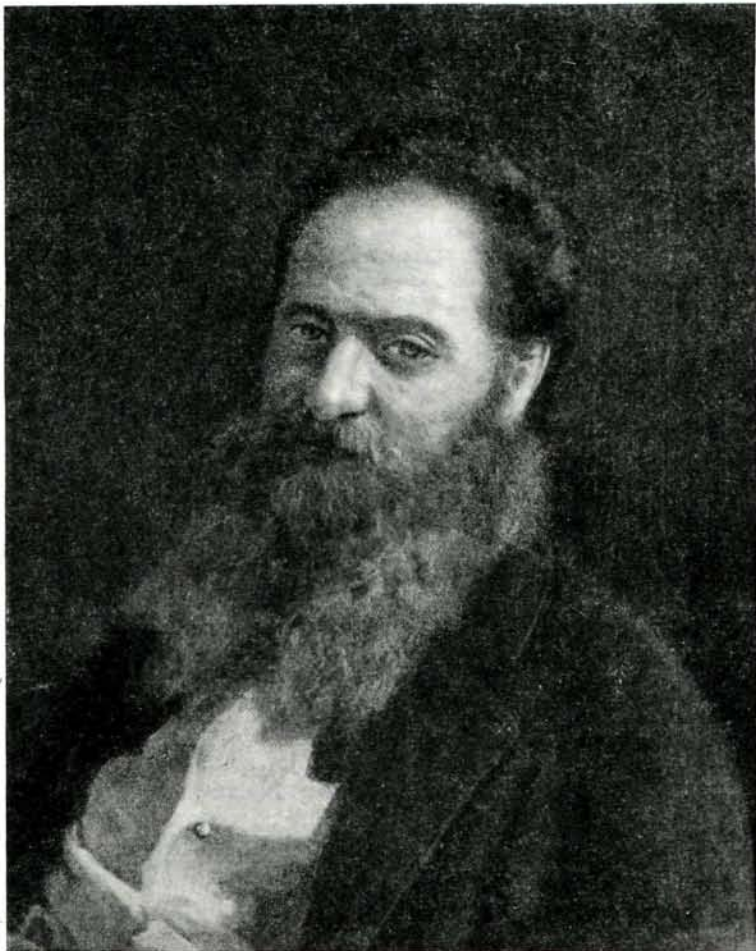
⁷ Фактически к этому времени наследники Герцена уже потеряли права на костромское имение — в 1863 г. оно, как выморочное, было изъято из ведения местной дворянской опеки, а впоследствии конфисковано.

⁸ В Париже у Герцена был дом на rue Amsterdam 14, купленный на имя Л. И. Гааг. Мысль о продаже дома приходила Герцену в связи с гражданской войной в Америке, затруднявшей денежные операции с американскими бумагами, приобретенными в 1849—1850 гг. Эти операции были благополучно завершены в 1867 г.

Письмо твое я получил здесь, и — что тебя удивит — и Тата здесь была дней пять, а сегодня мы возвращаемся. В эти дни печальных воспоминаний — страшных несчастий прошлого года — по крайней мере отчасти сблизилась Nat<alie> с Татой и окончили внешне дурной impasse *. Что будет из всего — я не знаю, жить вместе я и не предлагаю, но чувствую и

* тупик (франц.).

знаю, что спасти Лизу от России необходимо ², что иметь влияние на воспитание необходимо. Для нее я должен жертвовать — как жертвовал (на иной дороге) для вас. И требую от вас помощи деятельной. Таковую натуру не развить — было бы преступлением. Теперь здесь Бакст³ — он стал ей давать уроки *de rebus omnibus* * — и это, вероятно, пойдет. Я советую

МОРИЦ ШИФ

Портрет маслом Н. Н. Ге, 1860-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

Nat(alie) прожить год в Лозанне и посылать Лизу в школу. Но она все собирается в Ниццу... и потом в Россию, не думая, как же она воротится назад. Впереди, стало, далеко не светло — а тут как черный фон картины — здоровье Огарева, оно опять хуже, потому что он все же больше пьет вина, чем позволено.

Из письма Таты, из моих к Мейзенбург ты à peu près ** знаешь все, что у нас делается. Тата занимается много и развивается сильно. Поет

* по всем предметам (лат.).

** приблизительно (франц.).

она хорошо и тут сделала большие успехи. Лекции Стеллы ⁴—весьма недурны, он делает то, о чем я тебя просил годы, что ты обещал месяцы,— и делает с популярностью и талантом. Одно мне больно в Тате, у нее бездна Sitzfleisch'a *, и от того она несколько wohlbehagend ** распускается и тяжелеет.

200 фр<анков> из Женевы пришло и 250 к 1 янв<аря> через Тхоржев<ского> пошло. К 10 янв<аря> ты получишь от Авигодора ⁵ 2500 (или 2400) фр<анков>, из них возьми себе 1000 и остальное вручи Мальвиде.

Летом, впрочем, увидимся на Комо — береги Ольгу ⁶ и прощай.

Прошлую записочку твою я не могу найти — небольшую к Тате, положенную в письмо Ольги,— вероятно я ее оставил в Женеве.

¹ В Montreux жила в это время Н. А. Тучкова-Огарева с Лизой, и Герцен поехал туда, чтобы провести вместе годовщины смерти младших детей-близнецов, скончавшихся 3 и 11 декабря 1864 г.

² Н. А. Тучкова-Огарева угрожала, что вернется в Россию и увезет туда Лизу.

³ О В. И. Баксте, участнике революционного движения шестидесятых годов, см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, по указателю.

⁴ Ян Стелла — конспиративный псевдоним бывшего полковника русской службы, одного из военных руководителей польского восстания 1863 г., эмигрировавшего затем за границу (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 434). Стелла-Савицкий преподавал Тате математику, физику, геологию и химию.

⁵ Авигодор — банкир в Ницце.

⁶ Ольга Герцен в это время жила у брата во Флоренции.

18

<Женева.> 30 декаб<ря> 1865.
Boissière

Сегодня год как ты приехал распростуженный в Генф ***, и мы утром 1 янв<аря> принимали Поджио ¹. Еще год... и очень будничный. К концу свода summam summarum **** выходит, что плохого прибыло. Главное на первом плане — видимое разрушение Огар<ева>. Наконец он-таки сломил свой организм и на себе выдержал свою теорию — о несуществовании воли ². Временами он оживает и свежее, но вообще в каком-то печально-болезненном Schwärmer'стве *****. В послед<нем> листе «Колокола» прекрасная статья его — это почти всё за шесть месяцев ³. Поездка в Montreux ⁴ кончилась ничем — невозможность близости во имя воспитания Лизы между Нат<али> и Татой — тоже большое несчастье. Бакст не удивится уму Лизы (он продолжает давать уроки). — Тата могла бы для нее быть очень полезна — но Nat<alie> не допустит и сама больше и больше разъедает себя. Лиза должна жить в невероятной скуке. Татой я был бы очень доволен, не только за ее серьезное направление — но и за самобытность, если б у нее не было каких-то жестких сторон — которые так оскорбляли Мальvidу.

Я особенно доволен, что все матримониальные мысли далеки теперь от нее. Она еще не хочет топиться в безобразии семейной жизни — я вполне готов помогать ей и только поэтому боюсь за то ваше флорентинско-мальвидное эротическое настроение и еще больше твое. Но в продолжение будущего года все-таки, вероятно, хоть до Сомо доеду.

Инцидент с Ольгой и Фрелихом ⁵ до сих пор заставляет меня краснеть — и я почти рад, что философ-педагог содрал с меня 1600 фр<анков> — это

* неподвижности (нем.).

** благодушно (нем.).

*** Женеву (нем. «Genf»).

**** в общей сложности (лат.).

***** мечтательстве (от нем. «Schwärmer» — мечтатель).

вроде Geldstrafe *. Бакст повествует о его удивлении, когда он услышал, что я Ольгу поместил в эту голодную, холодную гадость.

О тебе Мейз<енбург> пишет, что ты работаешь... Еще бы... 27 лет с хвостиком ⁶.

Вот и Rundschau ** к Новому году. Надеюсь, что Талацци (милейший из Осиповичей) привез тебе цидульку и Ольге ⁷.

От Avigdor'a ты получишь 2500 фр<анков> — 1250 тебе и столько же Мальв<иде>, по получении напиши.

«Колокол» все-таки идет плохо. Хотя мнимая свобода книгопечатания и дает себя знать в России — как ты видел, если читал два послед<них> листа ⁸. Может, опять придется печатать книги — а деньги? У меня идет небольшая полемика с Эд. Кине ⁹. Они русского вопроса не понимают — да и только, я не уверен, чтоб и ты совершенно отчетливо понимал. Купи — на мой счет — и подари себе «La Théorie de la propriété» Прудона — это лучше той книги, о которой ты писал («Ouvrier») ¹⁰ — но внимание и abermals *** внимание при чтении, иначе всё пройдет между пальцами. Если Meys<енбург> здорова — и с ней почитай. А propos, что у нее? Мне Ольга писала особое письмо, на которое я и отвечаю ¹¹.

Старик Волк<онский>, декабрист, умер ¹².

Знают ли у вас, какая реакция во Франции? Даже «Indépendance» запрещена. А студентская история? ¹³

Прощай. И с Новым годом.

Встречали у нас Прынц ¹⁴,

Касаткин — с фамой ****,

Чернецк<ий> — idem *****,

Тхорж<евский> с Свердякевичем ¹⁵,

не то чтоб отметить m-me Худякова ¹⁶.

1 янв<аря> 1866.

¹ О визите Поджио Герцен писал детям 1 января 1865 г. (см. XVIII, 4).

² Огарев, в отличие от Герцена, считал, что «способность совершить поступок нельзя принять за волю, потому что поступок все же будет результат известного склада условий, составляющих для него достаточную причину» («Архив Огаревых», М., 1930, стр. 243 — письмо Огарева к Герцену от 19 сентября 1860 г.).

³ В л. 211 «Колокола» от 1 января 1866 г. напечатано первое письмо из серии «Частные письма об общем вопросе», — посвященной проблеме «русского социализма».

⁴ См. предыдущее письмо.

⁵ В июне 1865 г. Герцен, желая придать воспитанию Ольги более систематический характер, поместил ее в пансион Фрелиха в Берне. Вскоре выяснилось, что в пансионе применяются телесные наказания, и Герцен поспешил отправить Ольгу к брату во Флоренцию.

⁶ В 1865 г. А. А. Герцену было 26, а не 27 лет.

⁷ Письмо Герцена к детям и Мейзенбург от 25 декабря 1865 г. (см. XVIII, 290—292) было послано через Талацци. Очевидно, это был кто-то из кружка Машини, называемого Герценом в шутку Осипом Ивановичем.

⁸ В лл. 209 и 210 «Колокола» от 1 и 15 декабря 1865 г. напечатаны отклики на цензурную реформу 1865 г. (уничтожение предварительной цензуры).

⁹ Герцен полемизирует со взглядами Э. Кине на абсолютность права земельной собственности, изложенными в книге «La révolution». Этой полемике посвящены две статьи в «Колоколе» (второе письмо из цикла «К концу года» в л. 210 от 15 декабря 1865 г. и пятое письмо из цикла «К будущему другу» в л. 213 от 1 февраля 1866 г.), а также письмо к Кине от 30 декабря 1865 г. (см. XVIII, 282 и 293—294). Письмо от 30 декабря было напечатано в общей своей части в виде статьи «Le socialisme russe» в газете «L'Association», № 23 от 4 марта 1866 г. (см. сообщение Б. П. Козьмина в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 695—696). Герцен считал задачей русского социа-

* денежного штрафа (нем.).

** обозрение (нем.).

*** еще раз (нем.).

**** женой (от франц. «femme»).

***** тоже (лат.).

лизма «ограничить абсолютное право земельной собственности абсолютным правом каждого на земельное владение» (XVIII, 295).

¹⁰ В этот период «Колокол» широко освещал вопросы социализма. Так, в апреле 1866 г. в «Колоколе» печаталась статья Л. И. Мечникова «Прудонova новая теория собственности». Под «Ouvrier», очевидно, подразумевается книга Прудона «De la cité politique des classes ouvrières».

¹¹ Герцен писал Ольге 4 января 1866 г. (см. XVIII, 309).

¹² С. Г. Волконский умер 28 ноября/10 декабря 1865 г. В л. 212 «Колокола» от 15 января 1866 г. был помещен некролог.

¹³ По-видимому, речь идет о репрессиях, проводившихся администрацией медицинской школы в Париже в отношении участников студенческого конгресса в Льеже.

¹⁴ *Принц* — князь П. В. Долгоруков.

¹⁵ Иосиф *Цверцякевич* (Сверцякевич в герценовской транскрипции) — участник польского восстания 1863 г., представитель Польского временного народного правительства в Лондоне.

¹⁶ Леонилла Александровна *Худякова* (урожд. Лебедева) — жена известного революционера И. А. Худякова. Вместе с мужем находилась с лета 1865 г. по февраль 1866 г. за границей, где познакомилась с Герценом и бывала в его семье (см. XVIII, 335). В 1866 г. была арестована в связи с делом Каракозова. Герцен назвал ее поведение на допросах «геройским» (XIX, 10 и XX, 40).

19

8 июля <1867 г.> ¹. Женева

Завтра в три я еду и послезавтра, т. е. в четверг, буду в Ницце ². Читал я твое длинное письмо к Огареву ³. Он хочет тебе на него отвечать — не зная еще его ответа, скажу несколько слов. Вся мораль и вся жизненная философия этого письма — слабы, в ней наугатаны христианские эхо, романтические *souvenances* *. Люди могут очень хорошо поступать без всяких теорий и иметь очень хорошие теории, поступая скверно, но тот, кто берется возводить свою жизнь по принципам, должен приобрести и больше единства и больше аналитического смысла. Такие моральные недозрелые теории, как твоя, надобно оставить французским романам. Если ты хочешь позаняться и обдумать мои слова, то ты увидишь, что это тот самый недостаток, в котором я вообще тебя винил — и в научных спорах и во всем, — недостаток серьезного философского, общего взгляда.

Что такое чистота?

Что такое нечистота?

Думал ли ты об этих выражениях и не приходило ли тебе в голову, что чистое может быть нечисто, — и наоборот. Всё это туман.

Ты читал мою главу о браке — что ты из нее понял? А если ты с ней не согласен — чему же вы восхищались? ⁴

Вся твоя диссертация написана исключительно в доказательство, что ты *загладил* какой-то поступок. Но — только такое заглаживание имеет смысл, о котором сам человек думает, что он мало сделал. И что за христианское искушение? Искушаться надобно пониманьем, шириной. Никто тебя в данном поступке *не винил*. Когда же ты поймешь, что тебя никто не упрекал в поступке — а в том, что ты написал сухую диссертацию в свое оправдание — там, где надобно было вскрикнуть: «Ах... все-таки жаль бедную женщину!» — и этот крик сердца был бы доволен; никто от тебя не требовал ни физиологических экспериментов — воздержности от будущего брака, и ты бы не дошел, может, до католических понятий о браке и его неизменной нерасторгаемости (как последнее идет с отрицанием воли — я в толк не возьму), если б смотрел без доктринерства.

Старайся, *sage mto*, поступать согласно с совестью, но не строй теорий, не имея на это материала. Мне очень хотелось бы возбудить в тебе истинный дух наблюдения и анализа.

* смутные воспоминания (франц.).

Ты много говоришь о дурных примерах, окружавших тебя. Много было дурного — но был же рядом пример — и даже два — *мысленья*, отчего же они-то и прошли мимо?⁵

Чистотой я называю, — как я, кажется, писал тебе или Тате, — жизнь Рейхелей и Адольфа Фогта⁶ — эту работающую, здоровую, бедную, сильную жизнь — вовсе не зависимую от половых отношений.

Какое правило выйдет для жизни из этих бессвязных и старых понятий? Поработай над этими вопросами поглубже и поговорим опять, когда хочешь,

а теперь прощай.

Итак, Ольга и Мальв<ида> — в Венеции. Пускай себе, хоть и правильнее было бы спросить прежде совета.

Денег вам столько вряд придется ли. Сверх того я Тате ее долг отдам.

Я писал о немеблированном доме. Сверх дома помни об имении попов, т. е. о их продаже. К новому году или в январе можно многое сделать⁷. Зачем ты отзываешься неспособностью — будь способен, это не игра на арфе и не живопись, а дело простого вниманья.

¹ Год устанавливается по указанию на поездку из Женевы в Ниццу.

² Ошибка: 10 июля 1867 г. (день приезда Герцена в Ниццу) была среда.

³ Обмен А. А. Герцена с Огаревым «длинными письмами» был вызван, как это ясно из комментируемого письма, переживаниями по поводу смерти Шарлотты Гётсон. С Шарлоттой Гётсон А. А. Герцен сошелся, будучи в Лондоне в конце 50-х годов, и имел от нее ребенка — сына Александра (Тутса). Вскоре он с ней разошелся. В Англии Шарлотта жила в доме Огарева, получая денежное пособие от Герцена. После переезда Огарева в Женеву, она также переехала туда, в июне 1867 г., и вскоре покончила жизнь самоубийством. Это самоубийство, вероятно было вызвано крушением надежд на совместную жизнь с А. А. Герценом, а также напряженными отношениями с Мери Сетерленд.

Упомянутое письмо Александра Александровича Огареву неизвестно. Неизвестен также ответ Огарева, о котором он пишет Герцену 31 июля 1867 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 450). Герцен придавал этому ответу очень большое значение, неоднократно спрашивал о нем, беспокоясь, что Огарев, не очень аккуратный в это время в переписке, не напишет.

⁴ Речь идет о XII главе V части «Былого и дум». Герцен здесь полемизирует с Прудоном, резко выступает против его реакционных взглядов на семью и положение женщины в обществе, высказанных им в книге «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise». Оценка Герценом этой книги содержится также в его письме к М. Мейзенбуг от 4 июня 1858 г. (см. IX, 252). Взгляды Герцена на эту тему изложены в особом разделе XII главы «Раздумье по поводу затронутых вопросов». А. А. Герцен читал эту главу в первой книге IV тома «Былого и дум», вышедшей в ноябре 1866 г.

⁵ Герцен имеет в виду себя и Огарева.

⁶ См. письмо к сыну от 14 февраля 1861 г. (XI, 31). Подобная же мысль высказана в письме к М. К. Рейхель от 6 июля 1867 г.: «В вашем круге светло от работы и чисто от нее же» (XIX, 397).

⁷ В 1867 г. Герцен начал выделять детям части капитала, а сам собирался приобрести имение, чтобы более надежно поместить средства и обрести, наконец, постоянное местожительство. Мейзенбуг подала ему мысль воспользоваться распродажей монастырских земель, предпринятой итальянским правительством («имение попов»)

Пора окончить вопрос, вызванный историей Шар<лотты> — ты не хочешь или не можешь стать на ту точку анализа и сильного перебора всех отношений людских, на которую мы звали, — совершенно независимую от людских суждений и принятых сентенций. Время и мысль — если эти вопросы тебя занимают, сделают все это яснее переписки. Видал ли ты во всех отношениях человека *чище* Огар<ева>? В его голове, я думаю, не было ни нечистой, ни завистливой, ни злой мысли. Рядом с ним возьми

обыкновенного и добросовестного аскета, строго нравственного (в внешних поступках). Диккинс мастерски рисует их портреты — он *чист* перед законом, вот и всё. *C'est le ton qui fait la musique!** О твоём поступке *никто не говорил* — говорили о твоих аргументациях и себяоправданиях. У нас в виду был общий тон, и от него мы перешли в общий вопрос — ты смотрел через себя. Довольно. Думай о вопросах — и погоди решать докторально. Я перечитываю роман Чернышевского «Что делать?» — пришлю его тебе — форма скверная, язык отвратительный — а поучиться тебе есть чему в манере ставить житейские вопросы¹.

Свежий воздух у Фогта и Рейхеля делает искренняя, истинная неотлаженная работа. Мы все вполонину парализованы, вполонину развращены — наследством и рентой. От ренты — ты занимался спустя рукава до 1863 года. От ренты — Тата не рисует и не поет. От ренты — Ольга безграмотная. От ренты — Nat(alie) ставит кверху дном воспитание Лизы... Пора повянуть эту простую истину. Если б отец Огар(ева), а не он сам, прокутил бы свое имя, — наш Огар(ев) был бы признанный гений — и не имел бы эпилепсии. Мы защищены только тем, что сами ломаем дерево «злата и сребра», на котором сидим.

Приведи все это в порядок да и подумай.

Мейз(енбург) писала, что ты хочешь нанять дачу в Poggio Imperiale. Я не советую — вы очутитесь в монастыре на всю зиму и будете за все про все иметь Monod и Levier². Лучше приискать квартиру — без мебели — исподволь ее меблировать, а пока, пожалуй, жить в пансионе — верно есть пансионы, которые помесечно возьмут от 5 до 6 фр(анков) в день.

След(овательно) за троих 15—18,
за четверых 20—24.

Ergo, в месяц 600 — max(imum) 700 фр(анков) с Татой. Мебель я потому решил покупать, что в январе будут фракции капитала свободны. Я во Флоренции не останусь надолго и хотелось бы купить что-нибудь или по взморью здесь или в Швейцарии.

Когда Тата воротится, я не знаю — вероятно, в конце сентября³. Она очень полезна для Лизы (Лиза плавает, прыгает с досок в море, делает planche...**). Жаль, что нельзя ничего устроить сообща.

Я здесь почти без газет из России, на 5 №(№) приходят 2...!⁴

Прощай.

Переслать ноты можно и, верно, дешево.

¹ Роман Чернышевского в 1867 г. был издан в Женеве (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 161—162). Герцен не раз писал о нем Огареву в конце июля и августе 1867 г. Отрицательно оценивая художественную форму и язык романа, Герцен, вместе с тем, находил в нем «бездну хорошего» и обращал внимание Огарева на содержащиеся в этом произведении прекрасные мысли и положения (см. XIX, 409, 410, 425 и 445).

² Poggio Imperiale — дачное место под Флоренцией. — Габриэль Мано — историк, будущий муж О. А. Герцен. — Левье — врач, товарищ А. А. Герцена.

³ Н. А. Герцен была тогда с отцом в Ницце.

⁴ Русские газеты Герцен получал из Женевы через Огарева; доставка их постоянно задерживалась.

Прочти сначала один.

Хочу еще раз сказать несколько серьезных замечаний, пользуясь страховым письмом, в котором посылаю оставшиеся ассигнации — из них возьми

* Тон делает музыку (франц.).

** плавает на спине (от франц. «faire la planche»).

26 за альбом и за другой счет, а остальные отдай Тате и Ольге — на вздор. За тебя От(ареву) 100 заплатил — за январь и февраль — и 100 пошлю за март и апрель.

Все твои хорошие вещи о Т(ерезине)¹ меня несколько не заставляют переменить моего мнения о самом деле. Ты должен еще раз рекапитулировать * все, что я говорил. 1-е. Я несколько не хочу стеснять твоей

ЖОЗЕФ ДОМАНЖЕ

Портрет маслом Н. Н. Ге, 1860-е гг.

Третьяковская галерея, Москва

воли — судьба твоя, *после обещанного года*², в твоих руках. Мое дело предостеречь, дать совет и во всех случаях помогать — стало, эту часть hors de question **. 2-е. Воспитывать девушку себе в невесты — значит испортить воспитание и вперед за него заарканить благодарностью волю девушки.

Ей выбора нет — она знает, что ее именно с этой целью воспитывают.

* восстановить в памяти (от франц. «récapituler»).

** оставим в стороне (франц.).

Центра дома для Таты и Ольги ты не сделаешь. Переход слишком крут, чтоб девушка 18 лет и в таком несчастном положении могла бы в 19 «сесть хозяйкой», как говорят в России. Ты должен отделиться. Если б Тата вышла замуж, конечно, все бы изменилось, но ты знаешь, что, конечно, я ее не стану подталкивать. Меня примеры Тургенева и Хоецкого приводили в негодование ³. Но если б это сделалось само собой — другое дело. При этом только русский мог бы спасти именье (или капитал за него) ⁴. Если б Лугинин умнее шел и не был бы уродом, он имел все условия. Что ты думаешь о Мещерском? да, кажется, он очень молод ⁵. Я ей тотчас бы отделил 150 000 фр(анков) или ренту; 50 000, сверх того, она получила бы после меня. Именье, если б возвратилось, она должна бы была его разделить на три части.

Разумеется, человека надобно узнать больше, чем вы знаете Мещерского. Каждый иностранный брак отдаляет возможность завоевать костромскую землю. Рассуди же ты сам, что в нашу неразрывную семью, считая при этом Огарева, не предвидится, чтоб кто-нибудь и что-нибудь, внес, и отвечаю за все я. С увеличением лиц — средства остаются те же и все должны будут терпеть больше и больше. Из четырех-пяти шансов хоть бы один шел в облегчение. Напр(имер), мог бы ты иметь какой-нибудь практический талант, вовсе не мешающий науке, но который бы тебя выручил финансами, тогда, получая от меня, ex(emple) gr(atia), до 7500, ты мог бы поднять доход до 15 000, что за глаза довольно. Положим, что Тата и Ольга так же поступят — не могу я и им обеспечить больше 7500 — в таком случае, конечно, лучше жить, не выходя замуж... Это крепкие и горькие орехи, которые жизнь нам подает. Теперь, увлеченный страстью (а у тебя всегда твои теории и взгляды идут от субъективных причин — в 1866 г. не было ни слова ни о социальной нужде народа, ни о пролетариате, не было и подавно сельской жизни) — ты теперь не видишь оборотной стороны медали. Вот тебе практическая философия. Твой брак остается поступком безрассудным — скрыть я этого не должен, потому что еще есть время. Если ты девушку эту воспитаешь и отдашь во всей чистоте родителям и скажешь, что я дал обещание — только для того, чтоб ее воспитать. Поверь, что, кроме благословенья, за это не будет ничего.

Аминь.

? Получены ли деньги из Турина? Если нет, сейчас пиши к Fidel, Berné ⁶ и меня извести.

От Нефтеля письмо — зовет в Америку. Он, больной глазами, еще в Англии.

Письмо Таты от 7<-го> получил. Penisi может переводить и «Кто виноват?» и что угодно ⁷.

Тате посылаю «Дым» — «Кромвель» потом ⁸.

¹ Терезина Феличе — невеста, а с августа 1868 г. жена А. А. Герцена.

² Этого обещания — подождать с женитьбой год — А. А. Герцен не сдержал. См. письмо к нему Герцена от 30 июля 1868 г. (XXI, 31).

³ Тургенев сосватал свою дочь Полину в ранней молодости за фабриканта Брюэра, и этот брак оказался очень неудачным. Судьба дочери Хоецкого, Марии, нам неизвестна.

⁴ Речь идет о секвестрованном костромском имении Герцена.

⁵ В. Ф. Лугинин и А. Н. Мещерский были претендентами на руку Н. А. Герцен.

⁶ Название банкирской конторы в Турине.

⁷ Пениси переводил сочинения Герцена на итальянский язык.

⁸ В декабре 1867 г. Тургенев послал свой роман Герцену в Женеву. По-видимому, этот экземпляр и пересылал Герцен дочери. «Кромвель» — по-видимому, книга Andrews «Life of Oliver Cromwell»; см. вступительную статью к письмам Герцена к Н. А. Герцен и письмо к ней от 17 января 1868 г.

Александрю

<Ницца. 15 декабря 1868 г.>

Любезный D-г,

Ты, вероятно, без малейшего намерения огорчил меня. Тата была сильно больна, много страдала ¹. Решив с Левье, что болезнь не смертельна, ты один отсутствовал в хоре любви и дружбы около ее постели. Вот один из печальных результатов твоей новой жизни. Этот недостаток деятельной любви тем больше поразил меня, что Огарев хотел больной ехать в Ниццу ², что Тхор<жевский>, Чернеп<кий>, Марья Касп<аровна> справлялись через день, что Мейзенб<уг> и Ольга писали три раза и, наконец, Nat<alie> оставила Лизу в стороне и денно и поочно ходила с Роккой за ней.

Я с Татой об этом не говорил — но думаю, что ей это досталось нелегко.

Объяснять тут нечего, я уверен, что извинений много, и душевно принимаю их всех.

Будьте здоровы и счастливы.

А. Герцен

15 декаб<ря> Ницца
Pension Suisse.

¹ Н. А. Герцен жила тогда с Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизой в Ницце и заболела там оспой. Известие о ее болезни Герцен получил по приезде в Женеву 2 декабря и выехал в Ниццу.

² Огарев писал об этом Герцену 7 декабря 1868 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 493).

<Ницца.> 17 фев<ря> 1869 г.>. Середа.
V<illa> Filippi

Почтенный физиолог,

Посылаю тебе 10 стр<аниц> моего письма ¹, вторую половину пришлю через три дня. Непременно дай почистить Домангию ². — Ответ пиши.

Скажи Терезине, что я очень доволен ее французским письмом и особенно рекомендую овладеть им. Книжки есть готовые, но пересылка по почте дорога — а так затруднительно.

Затем хочу к тебе писать о деле, очень важном для меня, и желаю не только твоего ответа, но и помощи.

Недели две тому назад я написал Мальвиге и Ольге следующее предложение. Когда Тата придет с Тхорж<евским> во Флоренцию ³ — то не хочет ли Ольга, чтоб Тхорж<евский> ее привез одну погостить у нас в Генуе месяц. Мальвида думает, что апрель она слишком занята, и по обычаю отклонила предложение. Не желая из небольших причин делать *coup d'Etat* *, я согласился бы, не говоря ни слова. Но письмо ⁴ Ольги поставило вопрос на другой terrain **. Она мне пишет, что готова *повиноваться* (как будто я требовал необычайной жертвы). Но что она не может оставить свою мать в беспокойстве и что она и ей обязана столько же повиновеньем и любовью. Что к тому же она не виновата, что не жила вместе со мной и пр. Итак, Мальвида окончательно вытравила в ней всякую память о покойнице и, кажется, не ограничилась этим, но бросила в нее странные чувства относительно меня. Какие бы ни были вины мои, но не знаю, хорошо ли было из нелепой ревности, из глупых опасений бросить

* государственный переворот (франц.).

** почве (франц.).

в сердце Ольги странные подозрения насчет меня (как я догадался из письма к Тате). И все это, называясь пламенным другом моим! Я отношу это к помешательству. К тому же Ольга шипит, что М<альвида> была при смерти больна (что такое было — напиши непременно). Итак, au bout du compte * Мейз<енбуг> достигла своей цели — совершенно отчуждила Ольгу — даже незнанием русского языка. Мне это очень больно ⁵.

Я многого не умел сделать, в многом жизнь запутал. Но в нелюбви к вам, в каких-нибудь требованиях на вас — меня трудно обвинить. Выносить я тоже много могу — это ты знаешь, *знаешь по себе*, ибо немногие вынесли бы те замечания (и тон, с которым они были сделаны) — для чего же было альенировать ** сердце девочки, едва выходящей из детства?

Я не хочу больше ее приезда. Но Meys<enbug> не понимаю. Если она к тому же наметила ее отдать замуж за Monod, то наше сношение с Ольгой кончится тем, что я ей выдам ее 200 000 — так, как готов выдать тебе, Тате и Лизе. Но Тата больше всех понимает и симпатичнее оттого относится.

Мне кажется, что Мейз<енбуг> наемкнула Ольге на какую-то (ею вымышленную) странность ее положения в доме, когда мы приехали в Лондон. Она мне говорила об этом — и я слушал с хохотом и удивлением. Только этого и недоставало. Если это так — то я иначе поведу дело.

Во Флоренцию я приеду гораздо позже — если приеду ⁶. Тата, вероятно, в начале апреля: я полагаю пробраться в Сомо.

Из России получил опять приглашение посылать статьи. Вторая — довольно длинная — напечатана, я еще не получил. Вот и новая дверь открыта ⁷.

Ты можешь поговорить с Ольгой и даже с Мальвидой — и написать мне. Впрочем, я ограничиваюсь приглашением прогуляться до Комо — и буду ждать влияния Таты.

Затем прощай.

Если бы иначе шли дела — разумеется, я давно бы Ольге сказал о Лизе. Теперь погожу ⁸.

¹ «Письмо к сыну (о свободе воли)» было написано Герценом для задуманного А. А. Герценом совместно с К. Фогтом, М. Шифом и Я. Молешотом журнала. Издание это не состоялось. О планах издания журнала см. «Лит. наследство», т. 62, стр. 55. Герцен писал сыну 31 января 1869 г.: «О социализме я писать в ваш журнал не буду, а если хочешь, я приплю мое письмо к тебе о libre arbitre» (XXI, 279). Впоследствии Герцен пытался напечатать статью в «La Presse de Vienne» и в некоторых итальянских газетах (см. XXI, 327). Отсутствие соответствующих комплектов этих газет в библиотеках Советского Союза не позволяет установить, была ли эта статья тогда напечатана. А. А. Герцен поместил ее уже после смерти отца, в 1876 г., в «Revue philosophique».

² Домангий — Жозеф Доманже, французский эмигрант, химик и физик. Доманже иногда исправлял по просьбе Герцена язык его французских произведений.

³ Н. А. Герцен выехала из Ниццы во Флоренцию 24 апреля 1869 г.

⁴ Письмо О. А. Герцен неизвестно.

⁵ Вскоре после публикуемого письма Герцен писал к М. Мейзенбуг: «Если Ольга захочет поближе узнать меня, познакомиться с моими сочинениями, с делом моей жизни, она это сделает, я предоставляю все ее доброй воле, но трудно будет исправить ошибку полнейшего забвения русского языка. Это — один из самых жестоких ударов, который вы, не желая, нанесли мне» (XXI, 311).

⁶ Герцену пришлось срочно отправиться во Флоренцию в октябре 1869 г. в связи с тяжелым нервным заболеванием Н. А. Герцен (см. ниже, письмо 29 и следующие).

⁷ Речь идет о второй статье из цикла «Скуки ради», напечатанной в десятой книжке «Недели» за 1869 г. Герцен получил ее 16 марта.

⁸ Ольга долгое время не была посвящена в отношения Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой и не знала, что Лиза — дочь Герцена. Герцен рассказал ей об этом в письме от 13 июня 1869 г. (см. XXI, 396).

* в конечном счете (франц.).

** отталкивать (от франц. «aliéner»).

<Ницца.> 26 февраля <1869 г.>

Письмо твое получил. Переписки длить я не хочу и не буду. Полагаю, что Ольга написала сгоряча ¹, Мейз<енбуг> должна была не посылать ее письмо в своем. — Я не предлагал разлуки с Мейз<енбуг>, а просто Ольге погостить вместо Таты. Что сказала бы Мейз<енбуг>, если б речь шла о Кинкеле и его дочерях, — и смеялась ли бы она над его горестью, что дочь его не знает по-немецки? ²

Напишу когда-нибудь подробнее. В ученье Ольги не верю, особенно узнав, что Доманже преподает «австрийскую и русскую историю» вместо грамматики ³.

Тата, я думаю, вернее смотрит на дела. Не «слог твой» мне не правится — но, скажу откровенно, какой-то судейский тон. А где критерий? Где твои основания, на которых ты сadiшься на судейское место? Неужели после всего говоренного нами ты можешь довольствоваться общими нравочучениями? Словом, все обойдется мирно — но я не совсем доволен Мейзенб<уг> ⁴.

Затем прощай.

Приписка в левом верхнем углу: Сегодня пришли от Сат<ина> деньги Огар<еву>.

¹ О письме Ольги Герцен подробно рассказывал сыну в предыдущем письме.

² Мейзенбуг находилась в дружеских отношениях с Готфридом Кинкелем (см. о нем «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 281—283).

³ По этому поводу Герцен писал М. Мейзенбуг 3 марта 1869 г.: «Прощай, русский язык! Русская история, преподаваемая Домажже (нет ни одного француза, который понимал бы смысл этой истории) и... история *Астрии* <...> Пусть он преподает арифметику, научит ее правильно применять сослагательное наклонение. Вот, что ей нехватает...» (XXI, 211—312).

⁴ Историю так называемого «сатинского долга» см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 713—722.

21 мая <1869 г.>. Aix-les-Bains

Сегодня в 12 едем в Женеву и наверное пробудем там до 26<-го>, может и дольше. Ждем подробностей о появлении в вашем обществе Владимира ¹.

Помни, что новый век и новое время настолько выяснило свою сложную задачу, что воспитание должно быть совсем иначе устроено. Все собственности пошатнулись, нет верных доходов и рент особенно без труда. Богатей, собственни, кроме случайностей (на которых и Кетле² не найдет дробы вероятности, подходящей к достоверности), могут плуты. Время работы и собственных сил, приобретений трудом и талантом — ближе и ближе. Ты сам сказал о воспитании в лекции — итак, все дело отца относительно детей *только в воспитании*, mettre à mème *, раскрыть все двери и пустить на волю, на работу. Так без теории жили Фогты, Шифы — наши Белинские, Грановские. Пусть же с первых лет не касается твоего сына растление вечной обеспеченности без труда. Все вы и все мы родились под старыми созвездиями, но с каждого поколения требуется больше, и упрек от детей родителям будет громче и громче. Когда я глядываюсь в силу социального движения, в глубь его и в его страстность, — я вижу ясно, что настоящая борьба мира доходов и мира труда не за горами — даже в Англии. — Время тебе подумать и о себе. Милая жизнь в Италии вряд будет ли годна на что-нибудь.

Огарев, поздравляя всех с рождением Владимира, напомнил о Туце — и дельно. Дитя, однажды поднятое с порога, — по римскому праву, —

* предоставить возможности (франц.).

имеет свое место у очага. Ог(арев) его не хочет отдавать в пансион — подожди год, а потом я все же того мнения, что его *необходимо* отдать.

Жду еще Шифовых приказов, чтоб решиться на Vichy — прежде или на Vichy после.

Скажи Тате, чтоб она прочла в «Вестнике Европы» статью Тургенева о Белинском — из рук вон слаба — дряблость его так и выразилась, когда взялся описывать сильную и энергическую натуру. — Насчет того, что Пановка сказал Тате о моем вопросе — только М(ейзенбург) может не понять — отрицательного ответа. Его первое письмо было совершенно пусто. Впрочем, если нужно, можно заменить Доманике — прибавкой уроков у него. Я очень рад, что М(ейзенбург) и Ольга нашли хорошее помещение и вовсе не тороплю их. Я сам так мало знаю программу — до 1870 г. — что тормозить и тратиться не хочу. Огар(еву) очень хочется быть ближе — но его перевести в Брюссель — подвиг, стоящий перерыва Суэцкого перешейка, — и, конечно, я не приступлю к этой операции прежде чем ясно увижу, что в Брюсселе можно *основать* дом. Что касается до Парижа — все выгоды для Ольги и Таты с этой стороны. В прошлом письме Мейз(енбург) ничего не возражает. Мне кажется, тут дело Шифа решить насчет климата. Климат Флоренции я считаю одним из худших, в Париже живут 2 000 000.

Засим обнимаю вас всех. Прощайте*.

Еще одно слово, благо пошло на морали. Все слухи от Таты и Мейзенб(ург) очень в пользу развития Терезины. Береги ее пуще всего от той формы мелкого помещничества, которая и есть то, что называется буржуазией. Большая часть пролетариев прямо попадает в нее, получив достаток (m-me Karl Vogt и пр.); я полагаю, что для нее Италия — худшее место для развития. Если б и она могла с тобой прожить год, может два, в Париже (вместе всем вам можно было бы устроиться за 15 000, и я могу дать) — и притом работать бы extra**.

Только парижская увриерка*** может иногда переходить прямо в образованную женщину, минуя буржуазию (m-me Tessier)³. Первый пробный камень — отношение к прислуге. Все это я бросаю тебе *pêle-mêle***** для думы.

Что, Терезина сама кормит или нет?

Ну, и прощай.

Мне Экс жаль — места здесь чудесные, но все время лил дождь и всякий день грозы.

Саше и Тате together*****.

¹ 18 мая 1869 г. Герцен получил из Флоренции телеграмму о рождении у Александра Александровича сына Владимира.

² Ламбер-Адольф Кетле — французский ученый, основатель математической статистики.

³ Жена М.-Э. Тесье дю Мотэ.

Кажется, мы окончательно едем 28(-го) — через Страсбург. Дорога длинная, но не дороже, и увидим Страсбург, Стеллу и другой край. Стало

* Заключительная часть письма (от слов «Еще одно слово...»), фотокопия которой отсутствует, воспроизводится нами по первоначальной публикации в «Современных записках», кн. 68, Париж, 1939, стр. 225. Отметим, что в тексте «Современных записок», очевидно по недосмотру, опущена средняя часть письма. — *Ред.*

** сверх того (лат.).

*** работница (от франц. «ouvrière»).

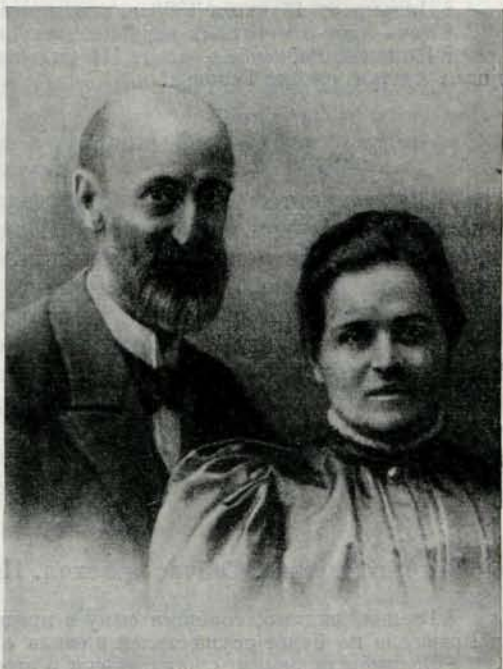
**** беспорядочно (франц.).

***** вместе (англ.).

А. А. ГЕРЦЕН С ЖЕНОЙ

Фотография, 1890-е гг.

Исторический музей, Москва

1 или 2 июля будем в Брюсселе¹. Я там, как mineur*, буду изучать почву до декабря. Если действительно хорошо — останусь на зиму и только приеду в Женеву навестить Огар(ева) — ты мог бы в то же время приехать недели на две. Если дурно да Чернецкий переедет в Геную, попробуем, может, и Геную. Я жду твоего ответа и «экспертизы». Для тебя я предлагал это как опыт — и, повторяю, вовсе не навязываю².

Мне жаль, что ты ничего не писал об Ольге — и о твоём взгляде на мое письмо³. Я должен был так поступить, потому что ложь стала меня мучить.

И Я тебе послал разные прокламации и Flugschriften **, долею они из России и долею вышли в разных местах, ты теперь их никому не давай, а если дал — возьми назад⁴. Разумеется, печатное не секрет, но теперь не нужно, чтоб шпионы знали, а у вас отличный Род(ионов)⁵. Надеюсь, что все наши его не пускают.

Скажи Тате, что от Мар(ьи) Касп(аровны) получил письмо и послал ее детям подарок. Она здорова. Мерч(инский) в Германии и пишет, что Сергей Боткин будет скоро в Трувиле, Париже и, может, в Брюсселе — стало, я его увижу. Впрочем, я на сей год, кажется, свободен от Вишей. Писал я вам, что Ник(олай) Боткин упал из окна в Пеште и разбился до смерти. В. Боткин в Италии (а не ехать ли на зиму в Неаполь — если не слобится в Брюсселе?).

Если ты имеешь что-нибудь сообщить о типографии в Генуе — пиши прямо к Чернецкому или Огареву — на их имя. Если будешь писать мне — на всякий случай адресуй письмо все же в Женеву, Тхорж(евскому) или Огареву, они перешлют — может, я в Страсбурге остановлюсь.

О спорах с Ага и Баку(ниным) никому ни слова.

¹ После прекращения «Колокола» Герцен предполагал поселиться в Брюсселе.

² Герцен просил сына выяснить условия для работы Вольной русской типографии в Генуе, предлагал ему вступить в «ассоциацию» с Чернецким (XXI, 398).

* шахтер (франц.).

** брошюры (нем.).

³ Письмо от 13 июня 1869 г. (см. примеч. 8 к письму № 23).

⁴ Речь идет о печатных изданиях, типографии Чернецкого весны 1869 г.

⁵ Николай Родионов — агент III Отделения. В качестве корреспондента «Голоса» писал статьи против Герцена.

27

18 авгу<ста 1869 г.>. Середа. Brux<elles>.

Я накануне отъезда, а может, уеду сегодня. По обыкновению, ты и вы опоздали с ответом на известие о Брюсселе¹. Я возвращусь через десять дней и, покружившись по Голландии, все же к концу сентяб<ря>, вероятно, буду в Женеве. Думал о Турине, но там поселяется Бакун<ин> — я имею к нему слабость, но он больно кошмарист и не дает воли².

Теперь к тебе комиссия от В. Гюго (он здесь, и мы с ним очень сошлись). Ты ему прислал письмо из Швеции от каких-то шведок, переводивших «Les Misérables»³. Письма ваши ветром снесло с балкона, и он не мог их отыскать. Он говорит, что это у него на душе, и просит тебя поправить дело — а я думаю, что ты забыл и имя, и все остальное.

Лиза парадировала с Гюго в его ложе — и отлично себя держала⁴.

Paris. 19 <августа>. Четверг

Вот и в Париже. Сейчас приехал. Пиши Grand Hôtel du Louvre, № 169.

¹ Герцен, видимо, сообщил сыну в предыдущем письме, что его план поселиться в Брюсселе не будет осуществлен в связи с преследованиями бельгийской полиции.

² Взаимоотношения, сложившиеся в этот период между Герценом и Бакуниным, освещены во вступительной статье Ш. М. Левина к публикации писем Герцена к Огареву.

³ Герцен встретился с Гюго в Брюсселе и описал эту встречу в письме к Огареву от 15 августа 1869 г. (см. XXI, 423). Шведки, о которых идет речь, по-видимому, знакомые или родственники стокгольмского книгопродавца Штаубе (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 75).

⁴ Рассказ об этом есть в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой (Л., 1929, стр. 262).

28

А. А. и Н. А. ГЕРЦЕНАМ

1^я сентяб<ря> <1869 г.>. Брюссель. Poste restante

Тебе и Тате.

Что за милая Мальвида и что за колоссальное здоровье. Уехать в Мюнхен для вагнеровской оперы на 14 дней, не дать адреса и не подумать о том, что от Мюнхена в Брюссель нет ни гор, ни морей¹. Я действительно считаю ее немного поврежденной. Но, видно, *somme toute* *, что Ольга больше под ее влиянием, чем под твоим, Тата. Я с глубокой горестью вижу, что мне очень трудно добиться на нее влияния. И пока вижу одно средство — переезд в Париж. Вероятно N<atalie> согласится. Место жительства Ольги зависит от Пановки² — здоровье Мейз<енбург> не серьезный резон, она это доказала.

Какие планы у тебя, Тата? Мне Швейцария опротивела окончательно после Обол<енской> истории³.

 Теперь к тебе, Саша, просьба. Я вынул вчера портрет Терезины (лучше всех) и забыл, что ты посылаешь Татьяне Алекс<еевне>, отдал его в альбом Лизы, она была так рада, что мне было жаль ей сказать, а потому ты не пиши ничего, а пришли другой портрет и на нем сзади напиши «Татьяне Алексеевне Астраковой от сына ее друга». — Я для этого и для того, чтоб сказать мое мнение о вагнеромании, поторопился написать. Тата совсем исписалась и не пишет.

* короче говоря (франц.).

Я послал из Парижа 2000 фр. (Hogase-London) — это последние. Всё вместе ныкнешний год я переслал и передал 16 000 с чем-нибудь. Желая, чтоб дела позволили и на будущий год то же. Если бы Тата и Ольга могли жить в Париже — можно было бы хорошо устроиться и дешевле. А впрочем, проживем и так.

Огарев спрашивает, не ехать ли в Лондон. Его обыски в типографии Утина также сконфузили. — Довольно.

Целую маленького и его необыкновенную маму. NB Напиши Ольге о деньгах, что я прислал, а то Мальвида ее там будет водить в неглижах.

Ты еще напиши Мальвиде — в мягкой форме — о моем мнении да напони, что из Флоренции в Геную было ближе.

Я писал раз десять, чтоб писать на мою фамилию — я здесь имени N<atalie> не написал, все так и пишут, помни же, что это делает embarras*.

¹ О поездке М. Мейзенбург в Мюнхен (Мюних) см. ниже, в письмах к Н. А. Герцен.

² Генрих Пановка (Панюфка) — немецкий музыкант. О. А. и Н. А. Герцен брали у него уроки пения во Флоренции.

³ О деле Оболенской и обысках в типографии Утина, о которых ниже идет речь, см. публикацию С. А. Макашина в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 74, а также в письмах Герцена к Огареву в настоящем томе.

29

⟨Париж. 29 октября 1869 г.⟩

Сейчас твое второе письмо — я в ужасе, не знаю что делать ¹, да посылай сейчас Мальвида и Ольгу с Татой ².

Как мне ехать — чтоб меня Тата заставила решиться на безумную жертву? — Я телеграфирую.

Ручкой Н. А. Тучковой-Огаревой:

Обнимаю тебя, Саша, и умоляю, побереги их обоих — помни, что удар может и его убить; это — условие, которое все доктора ставят его болезни ³! — Я буду его торопить к вам — как мучительно больно и страшно за Тату... Прощай.

¹ Герцен получил два письма от сына о тяжелом нервном заболевании Н. А. Герцен, вызванном историей с Пенизи.

² Получив от сына телеграмму от 28 октября о болезни Таты, Герцен запросил его о ее здоровье, и, по-видимому, также о том, не лучше ли ей покинуть Флоренцию. Ответ сына см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 528.

³ При диабете, которым болел Герцен, очень опасны нервные потрясения.

30

A Alexandre

⟨Специя.⟩ 21 нояб⟨ря 1869 г.⟩, 3 часа ¹

Тата здорова, но ужасно мрачна, рассеянна и печальна. Дождь и покрытое небо имеют свое влияние. Боюсь, что это перейдет в хроническое состояние и, может, надолго. Она все вспоминает, и я боюсь, что сначала вы все постукали очертя голову, как дикие. Она ясного чувства отвращения к Пен⟨изи⟩ вовсе не имеет и всё боится его мести. Наконец, не зная, чем развлечь, я ей отдал письмо Мещ⟨ерского⟩².

Огар⟨ев⟩ хочет отдать Туца гувернантке в той школе, куда он ходит. Это прекрасно. Напиши ему (осторожно и деликатно), что и ты этого желаешь.

Из письма Ольги я вижу, что Мейз⟨енбург⟩ была в каком-то пароксизме бешенства и горя об Италии. Ну, уж эти немецкие, литературные ст⟨р⟩асти. И что за эгоизм — Ольгу приковать к своей комнате сиделкой... Странно.

Ты должен впоследствии заняться серьезно отпавкой пиано.

От Мар⟨ьи⟩ Кас⟨аровны⟩ письмо, полное сочувствия.

* затруднения (франц.).

Вероятно, завтра в полдень уедем с vetturino * — письма адресуй Hôtel Feder (Trombetta), Genova.

¹ Герцен приехал в Специю 19 ноября и затем отправился в Геную; эта поездка была вызвана необходимостью увезти Н. А. Герцена из Флоренции.

² Князь Александр Николаевич *Мещерский* — дальний родственник Н. А. Огаревой-Тучковой; в 1868—1869 гг. он жил в Италии. Мещерский был влюблен в старшую дочь Герцена и хотел на ней жениться. Симпатизируя Мещерскому, Герцен благожелательно относился к их возможному браку. Как видно из дальнейших писем, Наталья Александровна любила Мещерского, но ее отношения с Пенизи отдаляли Мещерского. Это последнее обстоятельство Герцен считал вторым для нее ударом (см. письмо к Огареву от 7 декабря 1869 г. — «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 450).

31

A Alexandre

Генуя. 23—25 ноября 1869 г.¹

Дай все причитающиеся деньги Мальвине на дорогу — если ей мало, займи у банкира, я всё пришло. Отправь их, чтоб дело было с концом². Письмо Мальвиды меня огорчило за даль мою с Ольгой. Это надобно исправлять. Будь очень осторожен, но если Ольга имеет отвращение ехать, телеграфируй мне. Это будет новый удар. Тата все еще заговаривается — теперь хочет непременно видетсья с Н. Schiff³.

Вчера ей было тошно — она тотчас говорит об отраве. Nat<alie> с ней беспрерывно. Тата сердится и говорит, зачем у нее нет особой комнаты. Лиза одна — и неужели Мейз<енбург> не хочет, не стремится помочь — а всё из самолюбия, что я обвинил. Итак, отправляй их.

¹ Датируется, как и следующее письмо, по сопоставлению с письмом к Огареву от 25 ноября 1869 г.

² Герцен хотел, чтобы Мейзенбург и Ольга уехали из Флоренции и жили поблизости от него.

³ Гуго *Шиф* — врач, младший брат физиолога М. Шифа. Был влюблен в Н. А. Герцена и относился к ней во время болезни с большим вниманием.

32

29 нояб<ря> 18<69> г. Генуя

Любезный Саша,

Мейз<енбург> и Ольга приехали. Легость характера Мейз<енбург> делает ее больше маниабельной **, чем она думает; она здорова — тоже больше, чем она думает. Но Ольгу я нашел слабой — мне кажется, что у нее глисты, что она заморена лекарствами. Я в Париже обращаю на это особенное внимание.

Насчет Берд<ушека>¹ и не говори никому — собственно это моя догадка, потому что *это говорили*, может, до моего приезда. Дело это оставь. Ни прощать, ни назначить Левье² не хочу — а не хочу его знать, так, как не хотел бы держать в доме собаку, которая заела бы Волдырчика.

Фон всего у Таты — мрачен; что она решительно равнодушна к Мещ<ерскому> — это ясно. Для чего же она мудрила так? От него следовало бы ей письмо. Вообще с ним необходимо поддерживать связь. Пиши ему без подлиси и осторожно. Он, говорят, писал Ольге. Тата боится писать — я могу ее записочку переслать через тебя. Обдумай все это и напиши мне тотчас в Ниццу — *poste restante*.

Меня эта история сильно потрясла. Это стоит кораблекрушенья Луизы Иван<овны> — всего 52<-го> года — и тех минут, когда я держал Лелю под ножом оператора³. Удара этого я вовсе не ждал — напротив, я готовился в Париже к работе. Не знаю, скоро ли слажу с собой — но теперь не могу ничем заниматься, старею мыслью — да, к тому же, эти проклятые

* извозчиком (итал.).

** покладистой (от франц. «maniable»).

чиры на руках, заставляющие глупо страдать и намекающие на возобновление диабета. Я ужасно печально гляжу в будущее — все мне кажутся wandernde Gestalten *⁴ и dissolving views **.

Зачем же ты, caro mio, не понимаешь, что на тебе нет положительной вины, как на Мейз(енбуг), — но отрицательная и преобладающая. И то дурно, что ты, стоя возле, ничего не знал, но еще хуже что Тате не хотелось тебе говорить, что у нее не было потребности, — и это для меня ясно — та связь интимная, которая у тебя была до 68 года, — увяла. Я это Огар(еву) говорил в твой приезд в Женеву, говорил в Prangins потом. Сойди в свою душу — и, вместо оправданий, сверь себя. Скажу тебе откровенно, я сомневаюсь, чтоб вообще Терезина слишком любила или была близка с Татой и Ольгой (уверяю тебя, что ни та, ни другая, никто мне не говорил ни слова). Salto mortale вверх, сделанный ею, ее так удовлетворил, что ей было не до сближений с твоими сестрами. Их же натуры посложнее. Как иначе объяснить, что, сидя возле в комнате ряд вечеров, она ничего не знала? Верь мне, что у меня есть чутье — и что я сужу без липеприятий, но печально строго. Не жизнь, не словом — ты духом стал дальше от Таты, ты не беспокоился за нее, не болел об ней — конечно, из фамелизма. Хладнокровие Терез(ины) я меньше понимаю; может, тут есть доля справедливой войны плебея к привилегированным — но тогда зачем же она больше барыня, чем мы? Бога ради, не думай, что я это говорю вслед(ствие) ее неловкостей или грубых вещей относительно Nat(alie). — Знай же меня серьезнее и шире. Это относится к отсутствию всякого гуманного образования в плебействе — и это сгладится, но отсутствие теплоты к твоей семье — не сгладится.

Я сейчас прочитал письмо Мещ(ерского) к Ольге. — Бедная Тата... Как она бессмысленно поступала. Пусть бы он приехал в Париж для переговоров со мной — я в этом только и вижу спасенье.

Скажи m-me Walter, что Гранов(ский) пишет только, что он у нее в доме в Вене нашел отдых и образованный круг. Что к ней ездили все тогдашние знаменитости, что у нее были две дочери, необыкновенно развитые. Книгу послать боюсь — Огар(ев) хочет об ней писать ⁵.

12 часов

Твою приписку на письме Тургенева получил ⁶. Месяц тюрьмы ничего не значит — и из мелочи такой в случае надобности не следует себе отказывать удовольствие палки ⁷.

В. Сейчас Ольга мне подтвердила, что Бердушек везде говорил о том, что я писал. Что она это слышала от десяти человек. Вот ваши друзья. Ольга говорила с какой-то гречанкой об этом. Бердушек явно все это разнес — вот тебе еще подлость — скажи Гуго Шифу. Хороши ваши друзья — и он приходил к тебе! Впрочем, Ольга говорила тебе об этом... Да, я спас их из клоаки — и в нее при моей жизни они не попадут — да и я тоже. Мороз дерет по коже!

В «передать 140 фр(анков)» входят 200 Таты или они особо? Напиши, тогда я в январе пришлю все разом.

Шифу в сад стулья и стол купи к новому году.

Если можно, мы сегодня плывем в Ниццу.

Прощай.

Кланяйся Терезине и целуй Волдырчика.

4 часа

Читал твое письмо к Тате и очень доволен им. — Помни о Мещер(ском). Это существенное. Пиши к нему сам. Ольга писала ему.

Не могу решиться ехать морем ⁸.

* зыбкими видениями (нем.)

** туманными картинами (англ.).

¹ Бердушек — знакомый М. Мейзенбург во Флоренции.

² Левье — врач, приятель Пенизи, убеждал Н. А. Герцен, что ее отказ выйти замуж за Пенизи может губительно сказаться на его здоровье. Впоследствии Левье выступил одним из разоблачителей Пенизи.

³ В декабре 1864 г. дочь Герцена Леля скончалась от дифтерита, после неудачной операции.

⁴ Из «Фауста» Гёте.

⁵ Речь идет о книге А. В. Станкевича «Т. Н. Грановский» (СПб., 1869). В ней цитируется письмо Грановского Н. Г. Фролову, в котором упоминается m-me Вальтер, жена венского банкира, мать Терезы Пульской (см. о ней выше, на стр. 427). Об отношении Герцена и Огарева к книге Станкевича см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 908—909.

⁶ Письмо Тургенева от 25 ноября 1869 г. было адресовано еще во Флоренцию и оттуда переслано Герцену («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 203).

⁷ Речь идет, по-видимому, о планах отомстить Пенизи. А. А. Герцен хотел публично разоблачить его.

⁸ Под влиянием тяжелых воспоминаний 1852 г. Герцен так и не решился ехать морем. Он отправился в Ниццу дилижансом, а затем — железной дорогой.

33

1 декабря <1869 г.>. Ницца
Hôtel d'Europe et d'Amérique

Доехали, наконец, в дилижансе и по железной дороге. Путь страшный — Тата очень устала, жаловалась на дурные сны, у нее болит голова, и она спит.

Пиши тотчас ответ.

Обдумывая больше и больше, я полагаю, что ты делаешь много лишнего. Процесс за диффамацию — беда, а ты только пишешь о штрафе. А что имя Таты попадет в ассизы * — ты не обдумал? Разумеется, месяц, полгода тюрьмы лучше за право сказать: «Я хотел его бить потому, что он подлец, а причины не хочу говорить». Но и на бой идти теперь поздно ¹.

Если хочешь писать Бакунину, пошли ему записку через Огар(ева), я не мог найти его адреса, он же все под псевдонимами ².

Представь себе, что Тата написала и отослала, никому не читая, письмо к негодяю Бердушек! И Мальвида и все это видели. Ольга снесла письмо... У меня опускаются руки. Что она писала? — Мальвида хотела по обыкновению скрыть мерзости его сплетен. Но Ольга в глаза ей подтвердила их. *Он винит меня* — какую же идею обо мне имел этот гадкий ледящийся клоп — от вас.

В какой же луже жили вы? Ну, скажи же спасибо, что хоть поздно, но я спас твоих сестер.

Зачем все повязки падают у меня на 58 году, когда я почти сделался прошедшим?

Больше 5 дней я ни в каком случае не останусь в Ницце.

Пиши Nice, Al<pes> Mar<itimes>. Poste restante.

¹ Речь идет о планах мести Пенизи.

² Бакунин жил тогда в Локарно. Его конспиративный адрес был сообщен Герцену Огаревым в письме от 6 ноября 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 566).

34

2 декаб<ря 1869 г.>. Ницца
H<ôte>l de l'Europe et d'Amérique

Вчера я тебе писал, прибавлю нынче 1-е, что все же Тата не настолько здорова, чтоб при ней могла быть посторонняя горничная — и я должен взять Ерминию¹, увидим, что будет потом. Тебе легче найти в Флоренции. 2-е — спроси Гюго Шифа, зачем он рекомендовал (по словам Таты) —

* судебные отчеты (франц.).

писать к Бердушеку? Разумеется, она не знает об его Entwurf *. Это со стороны Шифа глупо.

Мейзенб<уг> здорова (и весела), как рыба в воде. Даже дилижанс 16 часов сряду вынесла геройски. Но я вижу, что многого не сделаем для Ольги. Она не допускает возражений, у нее нетерпимость, окруженная мягкими словами — не меньше прежней нетерп<имости> Nat<alie>, окруженной немягкими словами. Будущее ужасает меня — при всех усилиях, я сомневаюсь, чтоб я мог провести струю нового воздуха в старое воспитание, христо-буржуазное, прикрытое новой фразеологией.

Семейная жизнь до того в разрезе с нашими понятиями, привычки — с убеждениями, что она-то губит и сгубит нас, стариков.

ПАРИЖ. УЛИЦА РИВОЛИ

Литография Ф. Бенуа, 1850-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

....я нанял страшно дорогую хорошую квартиру... Адресуй письма: 172, Rue Rivoli. Завтра, 29-го<го> переезжаем (из письма к сыну от 28 декабря 1869 г.)

Из этого, по несчастию, не следует, что та часть молодежи, которой жизнь вытанцовалась или чьей деятельность удалена от прямого применения к жизни (ex<empli> gr<atia> ** Шифы) — чтоб они были правее, логичнее или даже à l'abri *** ударов. Но об этом можем потолковать после — теперь прощай.

Хотелось бы 5<го> вечером или 6<го> утром ехать, 8<го> быть в Лионе — впрочем, я еще напишу. Важных писем лучше в Лион не посылай, а весточку дай, если что нужно. В Париж пошли poste restante — после письма.

¹ Эрминия — горничная, ухаживавшая за Н. А. Герцен во время ее болезни.

* проекте (нем.).

** например (лат.).

*** в безопасности от (франц.).

4 декабря 69. Ницца

N<ôte>l d'Europe et d'Amérique

Длинное письмо твое от 30 я получил только вчера ¹. В письме твоём действительно очень много и дельного и умного. Но, не возвращаясь на старое, — я тебе укажу на главную ошибку — она так важна, что если ты ее не поправишь, придется окончательно оправдать Пен<изи>. — Да ведь в том-то и дело, что рядом моральных пристрачиваний и угроз бездельник этот вскружил ей ум, помутил его и, имея ловкого агента и притом доктора медиц<ины> ², окончательно свел Т<ату> с ума. О чем же речь была бы тогда — и в чем же ты обвинял бы Пен<изи>, если б дело было не так? Главная беда, что вы все слишком поздно раскрыли глаза и что помешательство началось не 23 октяб<ря>, а с поездки в Антиниано ³ и еще вернее — с болезни Волдырчика. — Мещер<ского> она любит — в этом ни тени сомнения. Но она не надеется на него и прямо говорила, что, видя «стенания» и мучения Пен<изи> и слыша от Левье, что он перед ее глазами готов отравиться — она готова была пожертвовать собой, считая свою жизнь совершенно потерянной. Вот что и ты мог понять и, след<овательно>, так бы и рассказывал всем дряням вроде Бердуш<ека>. Бедная Мейзенб<уг> с своим сердцем, в котором она отогревает целый смиренный дом разных немцев, — она должна была проглотить, защищая его, пол<ный> démenti * от Ольги. Теперь Тата говорит, что письмо к Берд<ушке> она не посылала, и Ольга не помнит, что бросала в ящик.

Еще слово о прошлом. *Всё ли я* (или мы все) — знаем и все ли подробности обличились — я не знаю и брожу в тупой боязни. Но твое сравнение бесед Пен<изи> с беседами Шифа — неверно. Шиф тебе был известен за честного человека и светлый ум, а Пен<изи> — за обскуранта и очень подозрительного человека. — Я, если б выбирал жениха, — я и Шифа не выбрал бы, она его и не любит. Но все же тут бы не было безобразия, а в браке с Пен<изи> что-то durch <und> durch ** чудовищное.

Спас ли я ее — я не знаю. Знаю одно, что без Nat<alie> я бы и настолько не спас, насколько теперь. Без моего приезда с ней — Тата была бы теперь в maison de santé *** от непониманья ухода ни Шифом sen<ior>****, ни тобой. Прошлый уход N<atalie> за Татой в оспе, причем сама пострадала тою же болезнью, и последний месяц искупают многое в прошлом, и уж, конечно, не Терезине принадлежит суд и заявление своих сентенций. Мне жаль, что это случилось. Насчет отношения Тер<езины> к Ольге и Тате — ты колоссально ошибаешься. Тата ее любит гораздо больше Ольги. У Ольги странная смесь детства с проблесками верного инстинкта. Конечно, это не от Мейзенбуг, у которой все одни шаткие тени, литературные страсти и все инстинкты идеалистически неверны. Почему и в чем она согласна с Мор<цом> Шифом? Не понимаю.

Что будет? — Верь мне, как друг, что я высшим счастьем поставлю, если дела не будут *хуже*. Я ничего не жду, ни в кого не верю. Я даже не особенно желаю долгого продолжения жизни. Того добра, которое я хотел бы сделать, того добра, которое соответствует моей любви, — я не умею и не могу сделать. Вперед утраты... Огарев при всем не заживется... удары вроде болезни Таты. Снять хотел бы с себя тогу pater familias а****, хотя бы вы, совершеннолетние, стали вовсе на свои ноги. Мейз<енбуг> помешает мне иметь влияние на Ольгу — у нее прозелитизм идеального бреда. N<atalie> тоже не облегчит влияния на Лизу. Я не питаю ложных надежд.

* опровержение (франц.).

** насквозь (нем.).

*** психиатрической лечебнице (франц.).

**** старшим (лат.).

***** отца семейства (лат.).

4 декаб^ря 1864 года на моих руках — ровно 5 лет тому назад — резал оператор Лелю. Я ни на минуту не надеялся. Теперь Тата резала сама себя — и не знаю, оправится ли... what next?*

Мы родились в среде, в которой нужно было смелое отрицание и безжалостное разрушение. Мы сделали свое... будьте счастливее нас...

P. S. Вероятно, 6<-го> поедem в** Лион — я думаю там пробыть дней 5—6 (в ожидании период<ической> болезни Т<аты>), пиши туда — Lyon, poste restante.

Nat<alie> и Лиза просят сходить тебя на почту, спросить письма на имя *Ogareff u Herzen*.

Еще раз рекомендую большую осторожность в агрессивных действиях.

¹ Это письмо неизвестно.

² Речь идет о Левье.

³ *Антиньяно* — местность недалеко от Ливорно.

36

<Париж.> 22 декаб^ря 1869 г.). 8, Rue Rivoli

Делая расчет с Ротшильд<ом>, я нашел возможным послать тебе 2500 — вычти из них траты за меня и остальное бери в счет 7500 ¹.

Татой я не совсем доволен. Ее меланхолическое состояние не проходит, а скорее увеличивается. Потребность уединения (очень вредная, по мнению Tessier) тоже усиливается. Но ум совершенно люциден ***, и на словах она не сбивается.

Сегодня будет у меня Вгоса ², который был у вас во Флоренции. Мне он очень понравился — он обещал констатировать болезнь и рекомендовать врача. Здесь есть знаменитость — но стар, Dr Бажаргон, и устал.

Мейзенб<уг> как юнейший член семьи — порхает, бегаёт и в восторге от всего — находит все zu himmlisch **** и zu schön *****.

Дороговизна здесь неслыханная — деньги идут с холерной рьяностью.

¹ Герцен на полях приводит этот расчет:

7500
2870

4630

² Поль Брока — французский хирург и невропатолог.

37

<Париж.> 28 декаб^ря 1869 г.). 8, Rue Rovigo

Брошюру ¹ и письмо к Тате получил. Что ей писал Мещерский, не знаю — но после письма она была довольна. Выздоровление идет вперед — но нервы еще ужасно потрясены, и самый едва заметный диссонанс производит сильное впечатление и долгие слезы. Об ист<ории> Пен<изи> она сама теперь говорит как о случайности, обличившей внутреннюю разладицу, — ее мучат мысли и сомнения, сильно и глубоко проведенные, — я не вижу другого выхода как *писание*. Талант ее несомненен — слог и очерки, мысль и выражения... но ей недостает положительного знания языка — это приобращается писавши ².

* что дальше? (англ.).

** Далее зачеркнуто: Марсель. — Ред.

*** ясен (от франц. «lucide»).

**** божественным (нем.).

***** прекрасным (нем.).

Насчет Маль<виды> и Ольги я должен сказать, что я не предвижу ничего хорошего. Только роли изменились. Мальв<ида> со своей вечной мягкостью патожирует * в реакции и аристократизме. Ольгу она совсем отклонила — и она просто говорит, что «не делит воззрений моих, наших и даже твоих» — незнанием средств и потворством она в ней развила жажду бросанья денег, шаткость всех убеждений и немецкий артистизм. Полина Лъвицкая выбилась глаorioзно ** на дорогу артиста — она теперь имеет контракт с Covent Gard<en> ³ и получит за три месяца 20 000 фр<анков>, но она работала и имеет силы. Мейз<енбуг> и слышать не хочет, чтоб Ольга шла на сцену, — но приступает ко мне с ножом к горлу, чтоб Ольга брала уроки у того же Варженя, уроки, на которые almeno нужно 3500 в год. И это зная, что нынешний год я уже в дефиците и занял у Тхор<жевского> 10 000. Я действительно отложил бы тысяч шесть на два года — но для этого мне надобно знать две вещи: 1-е — есть ли у Ольги голос, заслуживающий такого выработывания, и 2-е — есть ли решимость сделаться артистом. Но эти вопросы Мал<ьвида> не позволяет серьезно ставить, а разводит руками и краснеет... Я кончу тем, что предложу или ехать назад — или нанять особо здесь квартиру, а сам с Татой и N<atalie> уеду в Швейцарию, тогда я им положу 10 000 в год и устроюсь экономически. Пока я нанял страшно дорого хорошую квартиру — но в ней больше двух месяцев не пробуду, и тогда, т. е. к 1 марта, увижу, что делать. Я показывал Мейз<енбуг> мою расходную смету, показывал, что надобно все съезжить для всех, чтоб принять ее программу, но она, как все идеалисты, посмотрела свысока и чуть не сказала: «А мне что за дело?» — этому эгоизму, по несчастью, вовсе не чужда и Ольга.

Адресуй письма: 172, Rue Rivoli.

Завтра, 29<-го> переезжаем.

P. S. Неужели ты не можешь серьезно и внимательно поговорить с Пановкой, чтоб знать à quoi se tenir *** насчет сил и таланта Ольги?

Далее, хотелось бы мне узнать, что к тебе пишет Мещерский. Может, он мог бы много сделать, но для этого нужно знать его намерения.

Erminia очень нужна еще — Тата устает от беседы с нами, устает и от чтения — любит дни сидеть у себя в комнате. Брока и Тесье справедливо говорят о дурном действии этого Grübelelei **** в одиночестве — и тут-то Erminia служит отводом. Тихая, совсем не глупая, она развлекает ее. Кстати, отопли сейчас 30 fr <анс> ее отцу. Адрес отца Erminia — Francesco Marietti, Massa presso Carrara. Возьми их из 2500, которые я послал через Ротшильда на Фензи (о получении векселя тоже напиши).

И прощай.

Что Волдырчик? — Все кланяются Терезине.

3 часа 28 <декабря>. Сейчас получено письмо Ольги с фотограф<ией>. Я заплатил 80 сент<имов> affr<anchissement> insuf<fisant> ***** , ты — 40.

Экономичнее вешать письма и франкировать.

¹ Речь идет о лекции А. А. Герцена, изданной отдельной брошюрой.

² О литературных способностях Н. А. Герцен см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 472 и 477.

³ Полина Сергеевна Лъвицкая — дочь двоюродного брата Герцена, С. Л. Левицкого, певица. — *Коvent-Гарден* — оперный театр в Лондоне.

* барахтается (от франц. «patauger» — шлепать по грязи).

** со славой (от франц. «glorieusement»).

*** на что рассчитывать (франц.).

**** раздумья (нем.).

***** за недостаточную оплату (франц.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ПИСЬМО Н. П. ОГАРЕВА К А. А. ГЕРЦЕНУ С ПРИПИСКОЙ ГЕРЦЕНА

<Лондон. 1861 г.?

Четверг

Саше

Посылая тебе этот зоологический этюд, друг Александр второй, я пользуюсь случаем поговорить о зоологии и многом другом.

Я часто подолгу наблюдаю за тобой исподтишка со всей любовью, которую имею к тебе лично и со всею любовью традиционной к сыну моего единственного брата и моей единственной сестры. Смотрю на все возможности развития и на все недостатки и ругаю себя за дикую неспособность иметь непрерывное влияние на тебя, на ход твоих занятий и твоей жизни. Что меня оскорбляет в твоих занятиях — это отсутствие запроса в науке. Вытвердив классификацию по сравнительной анатомии, ты написал хорошую популярную книгу и как будто остановился на этом с самодовольствием. Я не видал, чтобы ты в Лондоне сделал шаг для дальнейшего запроса в науке, а между тем я убежден, что Лондон представляет средств для изучения не меньше, чем путешествие, может,

АВТОГРАФ ПИСЬМА ОГАРЕВА
К А. А. ГЕРЦЕНУ ОТ 1861 г.

Лист первый

Международный институт
социальной истории, Амстердам

больше; я уверен, что все двери разного рода лабораторий и библиотек были бы для тебя открыты.

Окончив классификацию по сравнительной анатомии, т. е., имея обзор типов животного царства, неужто ты мог удовлетвориться настолько, что, живши в Лондоне, не перешел к двум задачам, которые естественно истекают из этой точки отправления, — одна задача, идущая внутрь, в исследование самого процесса жизни, другая — идущая вширь и отыскивающая условия различий, вариаций этого процесса на пространстве земного шара. Одна — идущая в химико-физические явления физиологии, другая — идущая в физико-метеорологические условия этих явлений. То есть — как ты можешь жить — ты — зоолог — не работая ни юты по этим двум задачам, и жить спокойно и самодовольно? Вот что меня удивляет и огорчает. Или ты думаешь, что ты уже все знаешь, или ты думаешь, что ты молод и столько времени впереди, что еще на все хватит. Нет — не хватит, Саша, я это слишком горько по себе чувствую.

А между тем тут такая бездна незатронутых вопросов, без разрешения которых жить спокойно нельзя. Примера для — возьму море.

а) По внутренней задаче жизненного процесса:

Какое влияние химические составные части моря имеют на образование морских животных?

Какое влияние имеют магнитно-электрические явления прилива и отлива на образование морских животных?

Тут необходимо идет ряд сравнительных наблюдений речной, озерной и морской эмбриологии, наблюдений химических, наблюдений физических, микроскопических; перечитывание электро-физиологических изысканий и т. д. и т. д.

Довольно этих двух вопросов, чтоб не дать отдыха человеку, который себя специально посвящает науке.

А возьми

б) вопросы по географической задаче животного царства, соединяя их с предыдущими:

Различие химического состава северных и южных морей и различие, вследствие того, морских животных?

Различия климатические морей, различия электромагнитные среди-земных морей, не имеющих прилива и отлива, и влияние этих различий на образование животных?

Да не оберешься вопросов, Саша, а ты уже год сидишь и не задаешь себе ни единого! Неужто ты думаешь, что, работая пять часов в сутки, без пособий, без инструментов, — ты уйдешь далеко? Это не труд, не искание ответа на запросы, — а препровождение времени в приятных занятиях.

Теперь о России. Ты говоришь, чтоб тебе сказать, что читать. Это вопрос мудреный, когда человек ставит себе задачу неопределенную. Узнать народ наглядно — ты, может, и бывши в России в два года не приучишь себя к способности наблюдать. Потом, с какой целью наблюдать: с артистической — как Горбунов? или с гражданской, т. е. со стороны общей задачи общественной реформы? Для последней надо еще себя готовить по всем вопросам государственной жизни. Надо вдуматься в разные условия народной жизни и учреждений, надо заглянуть, что сделала история *de facto* с народами и что выработала теоретическая наука из этих фактов (политическая, экономия, юриспруденция и пр. и пр.).

Ты прочел Бокля. Это хорошо. На первый раз ограничься и напиши для меня, напиши мне письмо о том, что ты извлек из Бокля, на какие вопросы он тебя натолкнул, к каким заключениям привел. Дай мне глянуть в твой мозг, дай мне узнать, какое сомнение тебя тревожит, какая надежда тебя мучит, какая истина тебя влечет на работу, на дело. Открой

мне свой внутренний умственный мир — и давай говорить дальше. Я думаю, что этот отчет о Бокле будет бесполезен, что, принимаясь писать, ты примешься думать и расшатаешь себя до инициативы. Попробуй, попробуй. В твои годы легко работать от 8 до 10 часов в сутки и найти время для преследования обеих задач — физико-зоологической и историко-экономической: Спешу, пока тебя, как меня, не прихватила немогута, где после 7 часов работы начинаются в мозгу судороги.

Когда ты серьезно взволнуешь себя запросом, друг мой, тогда исчезнет с твоего лица это самодовольство, которое тебя ведет к какому-то грубому обращению и к дисграциозной наглости. Если ты, взволнованный запросами, заглянешь в самого себя, ты не обрадуешься, что личные ошибки прошли, как с гуся вода, и что ты становился то на краю бездны нелепости в жизни, то на краю дурного поступка — и даже не нашел в себе покаяния, а скорее обвинение других. Не бойся содрогнуться перед собственной жизнью; это чувство очищает. Я не требую, чтоб ты его высказывал, я требую, чтоб ты его прочувствовал. Если ты, взволнованный запросами, заглянешь в то, что ты сделал в науке, в понимании — ты содрогнешься перед тем, как все это мало и ничтожно и как ты до сих пор мало требовал от науки. И тогда ты поймешь, как много запроса, как много труда в знании и как много подвига даже в обыденной жизни — и ринешься безбоязненно на ежеминутный запрос, ежеминутный труд и ежеминутный подвиг.

Вот чего я хочу от тебя — моего Саши, его и ее сына.

Дай же мне обнять тебя. Гляжу на море, которое нелепо и свирепо бесится, — и невольно приходят на память тени твоего брата и моей сестры.

Addio! до свиданья.

Еще одно — если бы ты выработал себе зоологию во всю ширь запросов, чтоб быть преподавателем в России — я думаю, задача была бы и не мелка и не бесполезна?

Рукой Герцена:

Прочти это письмо с тем религиозным чувством, — с которым я его прочел, — прочти десять раз, пока всякое слово его будет ясно, а если что неясно — пиши, или, проще — спроси. Вспомни последние разговоры наши — это то же мнение, но шире высказанное и с грустной любовью, — благодари судьбу, — что такие близкие голоса раздаются тебе, как *Wagnung* *.

Жду действия на тебя этого письма.

Прощай.

II

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА ЧЛЕНАМ СВОЕЙ СЕМЬИ

Публикуемая ниже записка на французском языке написана во время первого заболевания Н. А. Герцен. Она адресована всем членам семьи, в том числе М. Мейзенбуг и Ольге, плохо читавшим по-русски.

<Florence.> 12 novembre <1869>

Voilà mon opinion sur l'affaire.

Je pars d'une règle générale. Dorénavant — après le dernier malheur et la dernière épreuve — je ne tolérerai pas la division de la famille — sauf Alexandre qui fait ménage à part. J'ai confiance dans nous tous réunis — et aucune individuellement, je n'ai aussi aucune confiance en moi seul. Or il faut accepter la réunion de nous tous sous un même toit comme un fait interchangeable.

* Предостережение (нем.).

Maintenant telles sont les variantes. Si les circonstances exigeaient le choix de Milan — il n'y a aucune raison sérieuse pour que Malvide et Olga n'y viennent pas ¹.

Je préfère aller à Spezzia — de là à Gênes et à Nice. De Nice j'irai seul préparer un appartement à Paris, pour le 1 mars. Comme le climat de Nice est préférable à celui de Florence, il y a encore moins de raison pour Malvide de rester à Florence. Malvide et Olga resteront avec Natalie et Lise à Nice les quatre mois les plus durs de l'hiver ².

Dans aucun cas — sans aucune exception sauf une maladie mortelle, je ne resterai, ni ne laisserai Tata et Olga à Florence — c'est complètement hors de question.

Voilà tout.

Pour le voyage on peut certainement s'arranger — aller ensemble ou séparément, — mais sans retard ni fluctuation.

	<i>Firenze</i>	10—40	
35—95	<i>Piacenza</i>	6—50	
	<i>Piacenza</i>	6—55	
	<i>Milano</i>	8—35	
—46 fr.			
	<i>Milano</i>	10—55	
51—45	<i>Camerlata</i>	2—45	
	<i>C</i> <1 нрзб.>	$55 \times 6 = 330$	
	<i>Firenze</i>	4—25	<i>Mil.</i> 9—10
16—80			
	<i>Pisa</i>	6—23	<i>Pisa</i> 11—10
7 50	<i>Spezia</i>	9—25	<i>Spez.</i> 1—45
	<i>Chiavari</i>	2—10	
	<i>Genova</i>	3—35	
$\frac{4}{22—30}$		$40 \times 6 = 240$	

Перевод:

Вот мое мнение о деле.

Исхожу из общего правила. Отныне — после последнего несчастья и последнего испытания — я не потерплю разделения семьи — исключая Александра, который живет своим домом. Я питаю доверие ко всем нам, когда мы вместе, и ни к кому в отдельности; нет у меня также никакого доверия и к себе одному. Итак, необходимо принять объединение нас всех под одной крышей как непреложный факт.

Теперь вот каковы варианты. Если обстоятельства потребовали бы выбрать Милан — нет никакой серьезной причины, чтобы Мальвида и Ольга туда не приехали ¹.

Я предпочитаю ехать в Специю, оттуда в Геную и Ниццу. Из Ниццы я один отправлюсь подготовить квартиру в Париже к 1 марта. Так как климат Ниццы предпочтительнее флорентийского, то для Мальвиды еще меньше оснований оставаться во Флоренции. Мальвида и Ольга останутся с Наталией и Лизой в Ницце на четыре самых суровых месяца зимы ².

Ни в коем случае и без всякого исключения — кроме смертельной болезни — я не останусь и не оставлю Тату и Ольгу во Флоренции — об этом не может быть и речи.

Вот и все.

Что касается поездки, то о ней можно условиться — отправиться ли всем вместе или порознь, но без опоздания и без колебаний ³.

(Следующие далее записи (расписание поездов?) см. во французском тексте.)

¹ Лечивший Тату врач Гуго Шиф настаивал на том, чтобы она жила в городе, (где был бы один из известных психиатров (XXI, 515)).

² 18 ноября Герцен с Татой уехали в Специю, а затем в Париж. Там, на улице Rivoli, как и хотел Герцен, собралась вся семья, за исключением А. А. Герцена и Огарева. Совместная жизнь налаживалась плохо. Однако до смерти Герцена члены его семьи уже не разъезжались.

³ Перевод Л. Р. Ланского.